

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ МБРЛ И МОРПа

«ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». — «ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ». — «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
(1928—1935)

Обзор Л. Р. Ланского

I

«ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

В конце 1927 г. Государственное издательство объявило об открытии подписки на новый ежемесячный журнал «Вестник иностранной литературы», орган МБРЛ. В объявлении был назван состав редакционной коллегии, возглавляемой А. В. Луначарским: Л. Авербах, А. Курелла, О. Бескин, Я. Янсон (СССР); А. Барбюс, П. Вайян-Кутюрье (Франция); И. Р. Бехер (Германия); Ф. К. Вайскопф (Чехословакия); П. Истрати (Балканы); Ст. Р. Станде (Польша); Т. Нерман (Скандинавия); Дж. Фримен (Америка); Б. Иллеш (Венгрия). Отмечалось также ближайшее участие в «Вестнике иностранной литературы» И. Анисимова и С. Динамова ¹.

Основной задачей нового журнала, создававшегося по специальному постановлению ноябрьского пленума Международного бюро революционной литературы 1927 г., являлось «ознакомление широких читательских масс СССР с лучшими образцами современной литературы Запада и Востока» ². Редакция обещала публиковать новинки иностранных литератур, информацию о культурной жизни, статьи о театре, кино, изобразительном искусстве, критические материалы об иностранных литературных произведениях и иностранных писателях.

«Читатели журнала, — указывалось в объявлении, — получают возможность быть в курсе наиболее значительных литературных и общекультурных явлений зарубежных стран».

Первая, январская книжка «Вестника иностранной литературы» 1928 г., объемом в одиннадцать печатных листов, открылась передовой статьей главного редактора — А. В. Луначарского.

Отмечая, что на Западе уже существуют «слабые, но жизнеспособные клеточки пролетарской литературы», а в недрах буржуазной культуры немало здоровых сил, честных художников, представляющих собой как бы «вспомогательный отряд революционной антибуржуазной армии» и что даже «чисто отрицательное произведение» реакционного писателя «оборачивается часто против той цели, с которой оно написано, и становится документом, клеймящим, выдающим с особенной яркостью секретные болезни буржуазного общества», редактор «Вестника» заявлял:

«Наш журнал, при помощи своих европейских, американских и т. д. друзей, стоящих на одной платформе с редакцией, будет внимательно следить за всем, что является в области литературы, давать полностью непосредственные образцы того, что мы найдем особенно интересного, и давать в сжатых изображениях более второстепенные, но характерные произведения литературы разных народов. Мы будем давать также оценку отдельных школ писателей и их произведений; мы будем давать более беглые, но достаточно меткие рецензии на всё сколько-нибудь замечательное, что появится за рубежом на иностранных языках».

«После революции несколько раз предпринимались журналы приблизительно того же типа, — продолжал Луначарский. — Мы подходим к разрешению этой задачи с новой организацией. Наша редакция всецело опирается на Международное бюро

революционной литературы. Наш журнал будет результатом коллективной работы целого авангарда литераторов разных стран. Это, как мне кажется, обеспечивает за ним известные шансы на успех. Быть может, первые номера не сразу найдут надлежащий материал и тон <...> Во всяком случае, мы убеждены, что беремся за издание „Вестника иностранной литературы“, пропуская эту литературу через призму наших культурных запросов, своевременно».

Вслед за статьей Луначарского в «Вестнике» был напечатан довольно слабый роман С. Льюиса «Простак», написанный еще в 1917 г. Это свидетельствовало о том, что с первых же дней своего существования редакция испытывала затруднения в поисках актуальных художественных произведений. Идиллический «счастливый конец» сводил на нет описание жизни американских безработных и бродяг, которым, вероятно, особенно пленилась редакция в романе популярного писателя. Характерно, что сам автор, находившийся в это время в Москве, решительно отказался от публикации в СССР своего «наивного», как он выразился, романа, но, в конце концов, уступил энергичному нажиму редакции. Льюис потребовал, однако, чтобы читатели «Вестника иностранной литературы» были специально оповещены о его отрицательном отношении к своему раннему детичу³. Не блистал особыми достоинствами и напечатанный в той же книжке журнала роман «Михаил» не в меру прославленного Панаита Истрати, которого тогда в МБРЛ называли человеком, «зажженным пламенем ненависти к капиталистической культуре»⁴.

Гораздо более соответствовали программе МБРЛ опубликованные в первом номере документальные новеллы А. Барбюса «Преступный поезд» и «Зараза», заимствованные из его не напечатанной тогда еще книги «Правдивые повести»⁵. Обе новеллы, так же как и третья, «Несбывшаяся побывка», появившаяся в № 6, были переведены непосредственно с авторской рукописи, так что читатели «Вестника иностранной литературы» получили возможность ознакомиться с этими новинками раньше, чем зарубежная публика. В течение 1928 г. по авторским рукописям были напечатаны и некоторые другие произведения видных западных писателей⁶.

Разумеется, большая часть материалов для отдела художественной литературы извлекалась редакцией из уже вышедших в свет зарубежных изданий.

В течение 1928 г. в «Вестнике» было напечатано несколько крупных произведений западноевропейских и американских авторов: «Оксенфуртский мужской квартет» Л. Франка (№ 3—5), «Ураган» М. Асуэла (№ 4), «Безумный поезд» А. Пулайя (№ 5), «Убийца» Л. О'Флаэрти (№ 6—8)⁷, «Домой в Гарлем» К. Мак-Кея (№ 10). Основную же часть художественного отдела составляли небольшие по размеру повести, рассказы и очерки Ш. Барты, Ж. Р. Блока, И. Брейтбаха, Ф. К. Вайскопфа, П. Вайяна-Кутюрье, Я. Гашека, О. М. Графа, Т. Драйзера, А. Жиды, Джо Керри, К. Клебера, Г. Лорбеера, Никаниси Иносукэ, Ж. Тусселя, Дж. Фримена, Фусао Хаяси и др.⁸ Отбирая материалы для публикации, редакция часто руководствовалась тематикой произведений, социальным происхождением и положением их авторов — «поэтов-углекопов», «писателей-рабочих» и просто «рабочих от станка»⁹. Сочинения прогрессивных, но не пролетарских писателей (например, «Пробуждение» и «Качество» Дж. Голсуорси — № 2 и 12) также печатались в «Вестнике», но и это предусмотренное программой журнала обстоятельство вскоре вызвало самокритическое осуждение со стороны редакции.

А. Курелла, член редакционной коллегии «Вестника иностранной литературы», следующим образом сформулировал установки МБРЛ и его центрального органа:

«Пролетарский роман, который говорит языком пролетариата, организованного, мужественного класса, которому завтра будет принадлежать мир, — такой роман может писать только писатель, который жил жизнью пролетарского авангарда, который активно участвовал как в идеологической, так и в практической борьбе рабочего класса. Пролетарский писатель в странах капитализма приходит из боевой организации класса. Он не спускается от литературы к пролетариату. Он овладевает, идя от организации пролетариата, областью искусства»¹⁰.

Стремление редакции опираться преимущественно на произведения пролетарских писателей, содействовать развитию революционной литературы и широ-

«ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ»,
1928, № 1
Обложка

ко пропагандировать ее достижения нередко наталкивалось на серьезные препятствия.

Выступая с информационным докладом от МБРЛ на I съезде Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (1928), Б. Иллеш так охарактеризовал положение дел в «Вестнике иностранной литературы»:

«В основном своем направлении этот журнал придерживается инструкций конференции, обширное место он отводит также левым буржуазным писателям, даже, пожалуй, больше, чем требует необходимость; мы склонны приписывать это тому обстоятельству, что наша международная организация донныне снабжала нас слишком недостаточным материалом пролетарских писателей. Но здесь возникают почти непреодолимые организационные трудности. Наши пролетарские писатели, проживающие за границей, находятся в очень тяжелых материальных условиях. Мы надеялись, да и они тоже, что наш журнал в этом отношении придет к ним на помощь. Однако договор, заключенный нами с ГИЗом, недостаточно предусмотрел исключительное положение международного журнала, и мы не обладаем нужными финансовыми возможностями. Живущему в Советском Союзе пролетарскому писателю может показаться диким тот факт, что мы не можем предоставить нашим заграничным сотрудникам необходимый денежный минимум. Таким образом, эти товарищи лишены возможности писать для русского читателя, как бы они этого ни желали, просто потому, что высылать плату за их статьи мы можем лишь по выходе журнала и, таким образом, с момента посылки оттуда рукописи проходят месяцы до получения гонорара»¹¹.

«К сожалению, мы не были достаточно последовательны, — писал он по этому же поводу через два года. — Чтобы доказать, что иностранная пролетарская литература жизнеспособна и уже сильно развилась, мы сначала выступили с произведениями „маститых“ иностранных революционных писателей. Мы не замечали или не хотели заметить, что эти „маститые“ в большинстве своем принадлежат уже другой эпохе и не только идеологически не могут идти в ногу с молодыми „незрелыми“ писателями, но и в литературно-техническом отношении они в своих произведениях бледнее и относи-

тельно слабее. Они не так органически связаны с той жизнью, против которой борются рабочие массы, как связана с нею армия молодых подлинных пролетарских писателей <...> Дело в том, что начинающий, который еще вчера был рабочим корреспондентом, который и теперь работает на производстве, не может сразу выступить с большим романом, а толстый журнал рассчитан скорее на большие романы, чем на рассказы и стихи. Таким образом, очень часто за недостатком в крупных романах с пролетарской установкой мы печатаем левых буржуазных писателей. Наша ориентация на „великих“ революционных писателей часто приводила нас к неудачам. Нужно сказать, что из-за этой политики такие серьезные пролетарские писатели, как немецкий писатель Шаррер, американский — М. Голд и венгерский поэт Гидаш, только недавно нашли место в библиотеке советского читателя...»¹²

Все же «Вестник иностранной литературы» по мере возможности придерживался тем, которые определяли его как орган МБРЛ. В произведениях, появившихся на страницах журнала в течение 1928 г., преобладали описания тяжелой нужды рабочих, крестьян и безработных на Западе и Востоке, социальных контрастов, многообразных форм революционной борьбы, обличение буржуазного строя и буржуазной культуры. Заметное место в журнале занимали антимилицаристские и антиколониалистские мотивы. Художественный уровень повестей и рассказов был, как правило, довольно низок, но, по-видимому, это смущало руководство МБРЛ гораздо меньше, чем социальный состав авторов, не на сто процентов пролетарский.

На страницах «Вестника» в 1928 г. и в следующие годы публиковались не только произведения европейских и американских писателей: редакция широко знакомила своих читателей с революционной литературой стран Востока — Японии, Китая, Турции и т. д., что, несомненно, являлось одним из наиболее важных достижений «Вестника».

В двух книжках журнала — первой и девятой — был напечатан под заголовком «Америка» искусный монтаж газетных сообщений, выполненный критиком Г. Л. Менкеном (США). Это «собрание документов об узости, нетерпимости и реакционности господствующих слоев американского общества» (из аннотации) характеризовало такие явления американского быта, как террор кукурузсклановцев, мракобесие, превращенное в нравственный принцип, и т. п.

Путевые записки А. Жида «Путешествие в Конго», напечатанные в третьей книжке, давали читателям некоторое представление о колониальной политике европейского империализма.

Стихотворные произведения в «Вестнике иностранной литературы» 1928 г. занимали довольно скромное место. Здесь печатались почти исключительно стихи революционных поэтов — И. Р. Бехера, Ст. Р. Станде, Э. Мадараса, Н. Хикмета и М. Голда (отметим, что в качестве переводчиков стихотворений с языков оригинала в «Вестнике» выступали А. Безыменский, С. Кирсанов, А. Жаров и др.). В № 11 «Вестника» появился русский перевод поэмы Ж. Ромена «Генуэзская ода».

В мартовской книжке «Вестника» было перепечатано из «Егоре» под рубрикой «Ромен Роллан и Советская Россия» — обращение Роллана к И. А. Бунину и К. Д. Бальмонту¹³. Оно сопровождалось ответом Роллану Луначарского. С чрезвычайной резкостью осуждая «непротивленческий» и «сентиментальный» пацифизм великого французского писателя, его «двойственную и во многом порочную позицию», а также недостаточную достоверность источников о Советском Союзе, которыми он пользовался, редактор «Вестника» отменял, однако, что Роллан «достаточно благороден и умен, чтобы видеть в СССР, в руководящей им партии авангард человечества; он достаточно смел, чтобы призывать защищать его от козней и возможных насилий реакции». «Но он прекрасен, — добавлял Луначарский, — и поэтому осуждает авангард человечества за его решимость, за его жестокость, за его практичность и воображает, будто может чему-то научить его, твердя ему либеральные фразы, которые, на самом деле, будь они осуществлены, означали бы разоружение этого авангарда перед лицом свирепо вооруженного врага».

Статья Луначарского являлась одним из наиболее ярких и темпераментных публицистических выступлений в «Вестнике»¹⁴. Публикация полного текста письма Роллана

МЕЖДУНАРОДНОЕ БЮРО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сверху лежат (слева направо): П. Истрати и Туре Норман. 2-й ряд (стоят): Г. Меган, А. Бараню, М. Алессанья, (сидит): Б. Илери, А. Пуалей, Ф. Вайсманф, П. Вайн-Мутурье, А. Луначарский, Э. Амфери, А. Серафиничи, М. Либерманн, А. Фаден. 3-й ряд (стоят): А. Гидан, Н. Еманюла, У. Аште, С. Демане, Ст. Станца, Дос Гассес, Д. Фрэншо, И. Катар, Диего Раваро, Нурилла, Курт Кюндер, Бельский.

«МЕЖДУНАРОДНОЕ БЮРО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
Шарж Кукрыниксов

«Вестник иностранной литературы», 1929, № 1

Под рисунком в перечне изображенных пропущен А. Варбюс (сидит между П. Вайнном-Кутюрье и А. Луначарским)

дала возможность читателям глубже понять позицию французского гуманиста по отношению к Октябрьской революции и советскому народу ¹⁵.

Орган МБРЛ не обходил, конечно, молчанием все учащавшиеся случаи полицейского преследования прогрессивных писателей в капиталистических странах. Одной из самых крупных жертв правительства Веймарской республики должен был стать член редколлегии «Вестника иностранной литературы», известный поэт И. Р. Бехер, процесс которого по обвинению в «государственной измене» был назначен к слушанию 15 марта 1928 г. в Лейпцигском верховном имперском суде.

«Среди многих революционных писателей Иоганнес Р. Бехер — самый нужный пролетариату, и этим самым он наиболее „неудобен“ для буржуазии, — отмечал Б. Рейх в статье „К процессу И. Р. Бехера“ в первой книжке журнала. — Без сомнения, Бехер — самый большой талант, самый страстный темперамент и, что важнее всего, у него самая умная, логически мыслящая голова». «Процесс Бехера, — указывал автор, — должен сыграть роль показательного процесса. Буржуазное правосудие грозит революционным писателям. Прежде чем суд заслушает процесс — у судей в карманах уже готовый приговор».

В пятой книжке журнала редакция возвратилась к тому же вопросу, указывая в заметке «Вокруг процесса Бехера», что суд над писателем снова отложен, «на этот раз на неопределенный срок»:

«Классовый суд буржуазной Германии вынужден был, под напором волны протестов масс передовых слоев интеллигенции всех стран, отступить <...> Тем не менее, пролетарские и революционные писатели всех стран должны быть на страже. Международное бюро революционной литературы приняло все меры, чтобы парализовать грязные попытки продажных, белоэмигрантских и клерикальных писателей создать и раздуть дело „государственного изменника“. Передовые писатели Запада горячо откликнулись на призыв Международного бюро встать на защиту товарища. Лейпцигский государственный суд получил со всех концов мира телеграфные горячие протесты против насилия и энергичные требования о прекращении дела. Анри Барбюс, М. Горький, Ромен Роллан, Энтон Синклер, Макс Брод, Джон Дос Пассос, О'Нейлль, Альфред Керр, Флойд Делл, Берт Брехт, Джозеф Фримен, Майкл Голд, Станде, Бруно Ясенский, Эрнст Толлер, Артур Голичер, Эгон Эрвин Киш, Пискатор, Альфред Вольфенштейн, Мюзам и многие другие заявили о своей солидарности с Бехером <...>

Обращаясь к судьям, М. Горький бросает им прямо в лицо: „В суде над Бехером вами будет руководить чувство вашей личной мести к человеку, который осмелился честно, бесстрашно и талантливо показать вам правду“ <...>

Ромен Роллан протестовал, „во имя независимости духа, против всякого государственного насилия, направленного против свободной и честной мысли“ <...>

В резолюции протеста, подписанной свыше чем пятьюдесятью берлинскими писателями и художниками, говорится, что по Бехеру бьют как по представителю творчества нового поколения писателей, борющихся за грядущий день. „Мы не потерпим этого, мы дадим отпор. Все силы на самозащиту! Писатели и мыслители, против судей и палачей!“.

В январской книжке журнала была напечатана информационная статья Б. Иллеша, посвященная пленуму МБРЛ. Основное место в ней занимали вопросы, связанные с историей организации МБРЛ и с дальнейшими задачами Бюро.

Указывая, что после двухдневного обсуждения Пленум принял резолюции о роли пролетарской литературы СССР, об издании ежемесячного журнала на русском языке, то есть «Вестника иностранной литературы», и полугодового альманаха на немецком и французском языках *, Иллеш привел следующие слова А. Барбюса из его заключительной речи: «Без лишнего оптимизма следует признать, что этот пленум двинет революционную западную литературу гигантскими шагами».

О состоявшейся в Берлине 19 октября 1928 г. Всегерманской конференции Союза революционных и пролетарских писателей поместил информационную статью в ноябрьской книжке «Вестника» С. Роберт.

Названными материалами, в основном, исчерпывается информация в «Вестнике» о работе МБРЛ и его секций в течение 1928 г.

Критический отдел «Вестника», в котором принимали участие как советские, так и зарубежные авторы, давал довольно широкую картину литературной жизни Запада и Востока. Часть статей, напечатанных в журнале, имела обзорный характер (статьи Ш. Андерсона, И. Анисимова, Ф. К. Вайскоффа, М. Голда, С. Динамова, С. Роберта, Дж. Фримена, Я. Чена и др.); другая была вызвана появлением в русском переводе ряда зарубежных произведений. Нередко редакция помещала статьи монографического характера, посвященные одному писателю и его творческому пути.

В критическом отделе «Вестника» 1928 г. главную роль играли И. Анисимов и С. Динамов. Их статьи об актуальных проблемах западноевропейских литератур появлялись в журнале довольно часто. Оба молодых и талантливых критика находились тогда под сильным влиянием социологических концепций В. Фриче, оба отличались чрезмерной прямолинейностью в анализе литературных явлений; выводы их своей резкостью временами походили на судебные приговоры. Статьи Анисимова и Динамова (как и других рецензентов и обозревателей «Вестника») несут на себе рельефный отпечаток логических и стилистических приемов, характерных для рапповской критики того времени. Осуждение различных западноевропейских и американских писателей — либо вышедших из буржуазного класса, либо оторвавшихся от рабочего класса, либо

* Тексты резолюций приведены в статье Б. Иллеша. — Л. Л.

безнадежно тянущихся к нему, либо преступно отворачивающихся от него, — то и дело встречается в этих критических статьях.

Как известно, в 1928 г. в Париже под редакцией А. Барбюса начал выходить иллюстрированный еженедельник «Monde», вызвавший впоследствии чрезвычайно резкую критику на страницах органов МБРЛ, МОРПа, в «Humanité», а также подвергшийся беспощадному осуждению на Харьковской конференции 1930 г.¹⁶ В августовской книжке «Вестника» 1928 г. появилась большая рецензия на вышедшие к этому времени семь номеров; в ней настойчиво подчеркивалась распылчатая и во многом ошибочная позиция французского издания.

«Журнал обращен целиком в сторону интеллигенции и ничего не делает для того, чтобы быть журналом для рабочего класса <...>, — предостерегал «Monde» рецензент «Вестника». — Надо пожелать ему не только исправить недостатки первых номеров, но и держать более твердую революционную линию. Пусть несколько сузится круг интеллигенции, на которую опирается новый французский журнал, редактируемый нашим другом Аври Барбюсом, но пусть зато будут более четкими его программа и линия, более воинствующим его характер».

В ноябрьской книжке журнала была напечатана статья Дж. Дос Пассоса, посвященная Джону Риду. Дос Пассос, незадолго до того приехавший в СССР, чтобы, по его словам, «своими глазами увидеть жизнь первого в мире государства трудящихся» (№ 9), был избран членом МБРЛ. Он следующим образом характеризует автора «Десяти дней, которые потрясли мир»:

«...С того момента, как началось крушение царизма, для Джека Рида как человека и писателя не могло быть иного места, кроме России: „Десять дней, которые потрясли мир“, где он рассказал Америке, что видел, показал огромные события, его окружавшие, — несравнимая по ценности книга. Не часто хороший писатель имеет возможность пережить события такого огромного исторического значения или имеет мужество записать их так честно и непосредственно. Мне думается, что долго спустя после того, как мы все умрем, эта книга будет почитаться великой книгой. То, что он заболел тифом и умер в Москве, — злополучная и возмутительная случайность. То, что он похоронен у Кремлевской стены среди вновь насаженных молодых побегов, является неизгладимым памятником того, что американская молодежь сыграла роль, хотя бы и неизмеримо малую, в великом восстании, сделавшем слово Октябрь гигантским для истории».

В «Вестнике иностранной литературы» в 1928 г. был напечатан ряд очерков о жизни рабочих центров Запада (под рубрикой «Быт»). Публикации эти поддерживали тезис МБРЛ о необходимости тесной и непосредственной связи художественной литературы с порождающей ее повседневной действительностью.

Немалое внимание уделял журнал художественной и театральной жизни за рубежом.

Нам остается упомянуть об обширном хроникальном отделе «Вестника», озаглавленном «Запад и Восток», в котором в течение 1928 г. сообщались разнообразные факты, связанные с литературой и искусством. Мы находим здесь между другими материалами, посвященными новинкам пролетарской и революционной литературы Европы и Америки, высказывание Г. Уэллса о будущем романа (№ 2); выдержки из статьи Ф. Кафки о встрече его с Б. Ибаньесом; интервью с Л. Пиранделло (№ 3); заметку М. де Унамуно «Моя ссылка»; зарубежные материалы о Толстом (№ 10); написанный специально для «Вестника» очерк Э. Синклера «Как я писал „Бостон“» (№ 12); заметки по темам «Rossica», «Музыка» и т. п. Вне этого отдела напечатан автобиографический очерк Дж. Дос Пассоса «Моя жизнь» (№ 9).

Почти каждый номер «Вестника иностранной литературы» завершался разделом рецензий — «Книжное обозрение».

Журнал щедро иллюстрировался репродукциями с фотографических и художественных портретов писателей, карикатурами, шаржами, копиями титульных листов иностранных изданий и пр.

В «Вестнике» кратко аннотировались произведения из текущего номера журнала и давались биографические сведения об основных авторах.

В 1928 г. тираж «Вестника иностранной литературы» составлял 3500 экземпляров — при 1500 подписчиках ¹⁷.

* * *

В 1929 г. «Вестник иностранной литературы» подвергся реорганизации.

На обложке первого номера, вышедшего в несколько измененном оформлении, было указано:

«Вестник иностранной литературы», — единственный в СССР журнал, целиком посвященный культурной и литературной жизни Запада и Востока.

В 1929 г. журнал будет выходить раз в два месяца, с иллюстрациями и портретами иностранных писателей. Объем номера увеличен вдвое.

Далее назывался новый состав редколлегии — Л. Авербах, Б. Иллеш (зам. ответственного редактора), Крепс, А. В. Луначарский (главный редактор), Г. Сандомирский, В. Сутырин, Я. Янсон — и международного редакционного совета — А. Барбюс, И. Р. Бехер, Ф. К. Вайскопф, П. Вайян-Кутюрье, П. Истрати, Г. Каган, Т. Нерман, Ст. Р. Станде, Дж. Фримен, А. Курелла, О. Бескин, И. Р. Бехер не вошли в состав редколлегии, в которую были введены новые члены: Крепс, Г. Сандомирский и В. Сутырин. — А. Барбюс, П. Вайян-Кутюрье, П. Истрати, Ст. Р. Станде, Т. Нерман и Дж. Фримен были переведены из редколлегии во вновь организованный редакционный совет.

Почти в каждой из шести книжек журнала за 1929 г. напечатано по одному роману западноевропейского автора (Г. Уэллс «Мистер Блетсворти на острове Ремполь» — № 1; Г. Лорбеер «Человека истязают» — № 2—3; Э. М. Ремарк «На Западе без перемев» — № 4; Т. Реми «Клиньякурские ворота» — № 5 и Агнес Смедли «Дочь земли» — № 6). Не все эти произведения, как мы видим, принадлежали перу пролетарских или революционных писателей. Впрочем, романы Уэллса и Ремарка представляли собой крупнейшие явления литературной жизни Западной Европы конца 1920-х годов. Несмотря на глубокий пессимизм первого произведения и откровенно пацифистский характер второго, они несли в себе достаточно сильный антимилитаристский заряд, который делал их появление в нетерпимом к «чуждым элементам» органе МВРЛ вполне закономерным.

Авторами многих повестей, рассказов и стихов, печатавшихся в «Вестнике» 1929 г., были писатели и поэты, либо входившие в состав МВРЛ, либо близкие к нему по своим идейным и творческим установкам (Л. Барлетта, Г. Беккер, И. Р. Бехер, Ж. Р. Блок, Ф. К. Вайскопф, А. Гидаш, К. Грюнберг, Дж. Дос Пассос, М. Залка, К. Клебер, М. Крлежа, Э. Мадарас, К. Мак-Кей, И. Ольбрахт, Ст. Р. Станде, Торао Хаяши, Б. Ясенский и др.) ¹⁸. Буржуазные новеллисты в 1929 г. на страницах «Вестника» появлялись гораздо реже, чем в предыдущем году.

Среди стихотворных произведений, напечатанных в журнале, некоторые принадлежали авторам, известным советскому читателю преимущественно как прозаики (Т. Драйзер, Ж. Ромен, К. Мак-Кей, Б. Ясенский).

В связи с начавшимся на Западе экономическим кризисом, художественный отдел «Вестника иностранной литературы», в котором и прежде основное место уделялось бедственному положению зарубежного пролетариата, с 1929 г. особенно настойчиво заполняется материалами на эту тему. С не меньшим постоянством в журнале продолжает разрабатываться и антимилитаристская тематика, вследствие нараставшей угрозы нападения империалистов на Советский Союз.

В четвертой книжке «Вестника» было напечатано следующее обращение МВРЛ «К пролетарским и революционным писателям всех стран»:

«Обилие книг о мировой войне, появившихся за последнее время, говорит о том, что война опять становится актуальной темой, привлекающей внимание широких масс. Но эти книги в подавляющем большинстве не вскрывают с должной определенностью империалистического характера этой войны. Литературные предтечи антиимпериалистического движения, как Барбюс, Бехер, Э. Синклер, еще не нашли себе достойных преемников. Между тем сейчас, спустя десять лет после окончания „последней войны“, писатели больше чем когда-либо обязаны возвысить свой голос против войны. Кто

АНРИ БАРБЮС

Гравюра Франса Мазерееля, 1921
«Вестник иностранной литературы»,
1928, № 2

недостаточно энергично борется с империалистической войной, сам становится пособником тех, кто готовится новую войну. А эта новая война должна, волею мировой буржуазии, явиться войною всех империалистических государств против СССР. Мы не хотим войны, но должны быть к ней готовы.

Товарищи, каждое ваше слово должно быть направлено на разоблачение планов империалистов, чтобы выставить <их> к позорному столбу!

Товарищи, каждое ваше слово должно непрестанно пояснять трудящимся массам, почему и как следует подготавливать и вести войну против империалистической войны!

Товарищи, выполните свой долг!»

Это обращение явилось своего рода предисловием ко всей книжке журнала, почти целиком посвященной военной теме.

В ней были напечатаны романы Э. М. Ремарка «На Западе без перемен», Л. Ренна «Война» (отрывки), рассказы И. Ольбрахта «Неизвестный солдат», М. Залки «Военная почта», статьи Фриды Рубинер «Мировая война в современной германской литературе», С. Ромова «Война и литература войны во Франции», Г. Бакалова «Война и поэзия у болгар», Я. Матейки «Отражение мировой войны в венгерской литературе», М. Скачкова «Чешская литература о войне» и др. Антимилитаристский характер этого специального номера журнала приобрел особую выразительность благодаря удачному подбору иллюстраций Г. Гросса, Кете Кольвиц, Ф. Мазерееля и репродукций из «Ужасов войны» Гойи.

В 1929 г. «Вестник» опубликовал ряд критических статей (А. В. Луначарского, И. Анисимова, С. Динамова, Г. Бакалова и др.), посвященных национальным литературам Запада и Востока, а также отдельным писателям.

В пятой книжке журнала появилось новое выступление против «Monde» и Барбюса. Оно принадлежало перу Б. Ясенского и было саркастически озаглавлено «Универмаг идеологий». Далеко не все пункты этого обвинительного акта отличались необходимой объективностью; наряду со справедливыми замечаниями, в него вклинивались неоправданно резкие выпады.

С каждым номером «Monde», по утверждению Ясенского, «все больше и больше сбивался с намеченного пути, внося в интеллектуальную жизнь Запада, вместо чуткого света материалистически-диалектического миропонимания, еще бо́льшую путаницу. Приобретая популярность в широких слоях мелкобуржуазной интеллигенции за счет чистоты своей идеологической линии, он принес за эти два года, несомненно, больше вреда, чем пользы. Вред этот тем существеннее, что на фасаде „Monde“, превратившегося постепенно из бастиона революционной мысли в мелкобуржуазный аукцион идей, фигурирует по-прежнему мировая фамилия нашего уважаемого товарища, писателя-коммуниста Анри Барбюса <...>

Желая доказать своим мелкобуржуазным читателям, что он чужд доктринерской узости иных марксистов, он загромоздил и продолжает загромождать свои страницы продуктами всех и всяческих идеологий, вплоть до самых контрреволюционных».

В отделе «Запад и Восток» первой книжки «Вестника» редакция резко отозвалась на публикацию в «Monde» анкеты, посвященной пролетарской литературе, охарактеризовав ее как «разногласицу», «пестрейший разнобой представлений и оценок». Среди писателей, ответивших на анкету, были А. Пулайль, М. Бернар, В. Серж, А. Барбюс, Т. Драйвер, Э. Синклер, Ш. Андерсон, М. Голд, Т. Реми, П. Юбермон и др. «Факты, предъявленные анкетой, — заключал рецензент «Вестника», — более чем убедительны. Они не только обнажают классовое лицо врагов пролетарского движения в искусстве, всячески изворачивающихся для того, чтобы опорочить это движение, доказать его несостоятельность (как часто рядятся эти господа в костюм „гуманистического“ ханжества!), но и свидетельствуют о том, что наши искренние друзья и даже сами представители пролетарской литературы не умеют осмыслить теоретические вопросы движения хоть сколько-нибудь полно, четко и убедительно. Это, в сущности, и является основным и достаточно горьким выводом из анкеты „Monde“».

Западноевропейскому искусству в «Вестнике иностранной литературы» 1929 г. было посвящено несколько серьезных статей. Каждый номер журнала этого года завершался отделом «Книжное обозрение», в котором разбирались преимущественно русские переводы зарубежных литературных произведений.

* * *

В 1930-м — последнем году издания «Вестника иностранной литературы» — состав редакционной коллегии был несколько изменен: из нее вышел Г. Савдомирский и взамен включено два новых члена — И. Микитенко и Б. Ясенский. Из редакционного совета был выведен П. Истрати; вошел в совет И. Кулик.

Из крупных художественных произведений, напечатанных в этом году на страницах «Вестника», наиболее значительным был роман «Гисса горит» Б. Иллеша (№ 5). Кроме того, в журнале опубликовано было еще три романа — «Схватка» Эллен Уилкинсон (№ 1), «Под натиском волн» Кадзуо Като (№ 3) и «Пролетарий рассказывает» Л. Турека (№ 2). «Турек — наборщик, — указывалось в том же номере, — благодаря своему роману „Пролетарий рассказывает“ лишился работы. Теперь он безработный» (№ 2, стр. 208). В № 4 журнала был помещен эпизод из романа Дж. Дос Пассоса «42-я параллель».

В 1930 г. в «Вестнике» печатались повести, рассказы и пьесы М. Голда, Х. Джулиуса, Е. Шао-дзюня, Кадзуо Като, Т. Като, М. Каханы, Джо Корри, Л. Лайцена, Э. Мадараса, Премчанда, Л. Рейссига, К. Тухольского, Л. О'Флаэрти, А. Хоупера, А. Шаррера, И. Шнейдера, Эс-Хабиб-Вафы, П. Юбермона, Б. Ясенского¹⁹. Стихотворных произведений на страницах журнала появилось сравнительно немного (стихи И. Р. Бехера, Ф. Вольфа, А. Гидаша, Э. Гинкеля, М. Голда, А. Комьята, А. Льюндала, Л. Ренна, К. Тухольского).

Обострение международной обстановки и приближающаяся угроза империалистической войны побудили МБРЛ предпринять опрос крупнейших деятелей мировой литературы о том, какова будет их позиция в случае объявления империалистическими державами войны Советскому Союзу.

На разосланные МБРЛ двести анкет отозвались десятки писателей и писательниц; среди них было немало светил зарубежной литературы. Подавляющее боль-

большинство ответов продемонстрировало перед всем миром готовность прогрессивной интеллигенции защищать Страну Советов — детище Великой Октябрьской революции. Многие писатели-коммунисты заявили, что с первой же минуты войны займут место в рядах защитников Советского Союза, станут плечом к плечу с советскими воинами, исполняя свой «долг рядового солдата пролетарской революции» (Б. Ясенский), «солдата Красной Армии мирового пролетариата» (Л. Ренн).

«Здесь не нужны высокие слова и патетические уверения, — писал в своем ответе И. Р. Бехер. — Само по себе понятно, что пролетарские революционные поэты и писатели используют все средства, чтобы помочь Советскому Союзу, великой родине всех трудящихся, защититься от нападения мирового империализма. Ни один не уклонится, каждый будет на своем посту...»

В том же духе отвечало и большинство других писателей:

«Перед всяким, кто хоть сколько-нибудь надеется на будущее, один долг: мы должны защищать Советский Союз» (М. Голд): «...в случае войны против Советского Союза я не представляю для себя более счастливой позиции, чем окопы Красной Армии» (Э. Э. Киш); «Я не брошу оружия. Я обращаю его против тех, кто его мне дал...» (К. Грюнберг); «...Я прежде всего член Коммунистической партии Германии и в случае войны буду делать все, что она потребует от своих членов...» (К. Клебер); «За Россию <...> даже если пришлось бы идти против Германии...» (К. Тухольский); «Ответ прост: я беспрекословно последую приказу КПГ и ее ЦК» (Ф. Вольф); «В случае войны с Советским Союзом долг всякого порядочного человека ясно и определенно стать на сторону Советского Союза и защищать его всеми силами» (Анна Зегерс); «Я член ВКП(б). Это обуславливает мою позицию в случае империалистической войны против СССР» (Э. Мадарас); «Во время первой советской диктатуры я был прокурором первой дивизии Венгерской Красной Армии <...>, я и по сей день не чувствую себя демобилизованным» (Я. Матейка).

Ю. Фучик заявил:

«По истечении двадцати четырех часов с момента объявления войны я должен был бы оказаться на плацу братиславских казарм и быть готовым к отъезду на фронт. Я говорю условно (должен был бы), так как являюсь членом Коммунистической партии Чехословакии и не могу гарантировать чехословацкому Министерству национальной „обороны“, что его пожелание в данном случае совпадет с приказом КПЧ.

Это мой ответ на ваш вопрос.

Но мне хотелось бы, помимо этого, сказать еще и следующее:

Сейчас я как раз разъезжаю по Советскому Союзу и собственными глазами вижу чудеса пролетарского энтузиазма. Я вижу грандиозное строительство социализма. Вижу, как вы сажаете СССР на автомобиль, а мужика на трактор. Я вижу, как под руками пролетарской диктатуры расцвела богатая отсталая Средняя Азия. И теперь знаю лучше, чем когда бы то ни было, что наша первая обязанность — это не допустить нападения обанкротившихся капиталистов на Советский Союз, это драться за отсрочку такого нападения, ибо вам еще необходима передышка.

Это вторая часть моего ответа.

Ни та, ни другая часть этого ответа, разумеется, не являются чем-то новым. Революционный пролетариат всех стран прекрасно понимает, как тесно задача обороны СССР связана с существованием Красной Армии».

«Я награжден орденом Красного Знамени за мою деятельность во время гражданской войны, — с гордостью писал М. Залка. — Я постараюсь заслужить еще один такой знак отличия. Я убежден, что по окончании войны империалистов с Советским Союзом я окажусь уже не единственным нерусским писателем, который награжден орденом Красного Знамени».

«Для революционного писателя двух ответов быть не может, — писал Дж. Кв. Нитз (Кьюниц). — Он солдат на фронте революции. Его оружие — винтовка, если он молод, перо — если он стар. Я революционный писатель и, кажется, еще достаточно молод. Поэтому мой ответ очевиден».

«Товарищи, если империалисты объявят войну Советам, наша позиция будет соответствовать директивам III Интернационала, будет позицией членов Французской Ком-

мунистической партии...», — заявила группа сюрреалистов — П. Элюар, А. Бретон, Т. Тзара, Ж. Садуль, Л. Арагон и др.

«Я считаю, что Советское правительство завершает одно из величайших достижений человеческой истории, — писал в своем ответе Э. Синклер, — и каждый, кто верит в прогресс, должен защищать его в случае, если капиталистический мир выступит против Советского правительства».

«Если империализм, где бы он ни выразился, объявит войну Советам, моя позиция будет позицией революционера, и я использую все свои силы как человек и писатель для борьбы с подобной попыткой <...> В этой войне я остаюсь (и останусь) в числе тех, кто не перестанет протестовать и бороться. Ибо, хотя я не состою членом никакой политической партии, я считаю, что капиталистический строй — основная язва нынешнего мира, и продолжаю верить в русскую революцию — героическое стремление к новому порядку вещей», — писал Ш. Вильдрак.

«Но большинство писателей, к которым была обращена анкета, посетители громких имен в буржуазной литературе, не дали никакого ответа, — отмечал в отчетном докладе на Харьковской конференции Б. Иллеш. — Их молчание красноречивее всяких слов. Своим молчанием они указывают, что приветствуют войну против СССР и готовы предоставить свои перья на службу войне».

«Мы имеем основание полагать, — сказал в своем выступлении на Конференции И. Р. Бехер, — что эти пацифисты в тот момент, когда действительно загрохочут пушки, не только будут молчать, а — наоборот — подымут свой голос и будут кричать, что эти пушки направлены против Советского Союза во имя мира, во имя демократии, во имя цивилизации. Но и ответы революционных писателей, — добавлял Бехер, — ни в коем случае нельзя признать удовлетворительными. Они слишком легко отнеслись к вопросу, и в той легкости, с которой они обошли все трудности, таится большая опасность...»

Отдельные писатели, отозвавшиеся на анкету (М. Андерсен-Нексё, Ж. Р. Блок, Ст. Цвейг и др.), утверждали, что не верят в возможность объявления империалистами войны Советскому Союзу, но сопровождали свои слова горячими заверениями в поддержке великого оплота социализма в случае, если «невозможное» станет возможным.

«Империализм вряд ли посмеет объявить войну Советской России, потому что империализм не настолько слеп, чтоб не заметить того факта, что западноевропейский рабочий класс день ото дня левеет и война легко может перейти в революцию, — писал М. Андерсен-Нексё. — Если у империализма все же хватит глупости затеять войну, я всеми способами буду стремиться превратить войну в революцию».

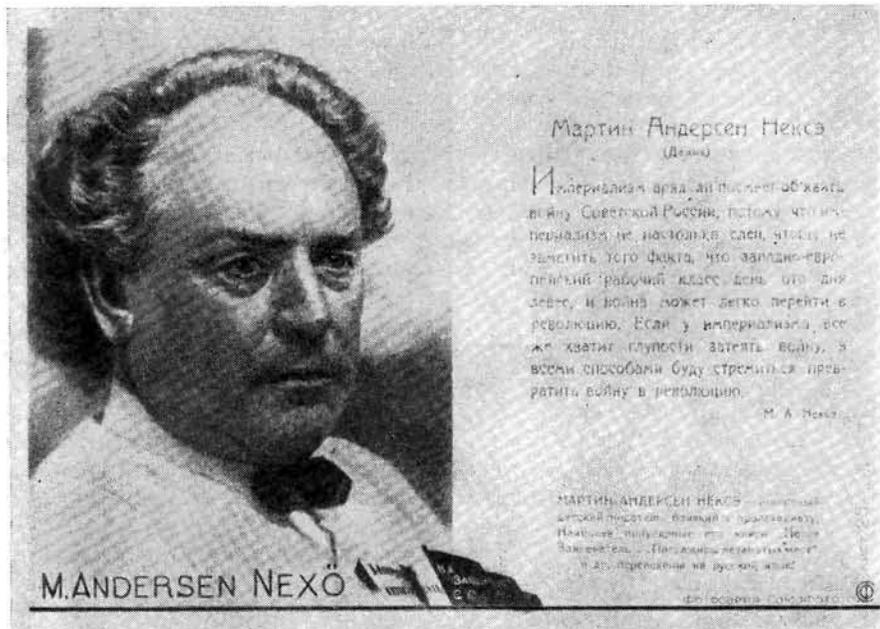
«Что бы ни произошло — открытое нападение или атака из-за угла, — я буду рассматривать защиту этих завоеваний как защиту самого необходимого и драгоценного в нашей цивилизации. Я считаю своим долгом отстаивать материальную, политическую, общественную и моральную неприкосновенность СССР. Я выполню этот долг», — заявил Ж. Р. Блок.

«...Я в войны не верю. Понятно, я верю в право России на собственную форму правительства. И на пропаганду», — отмечал Ш. Андерсон.

«Я, разумеется, считаю обязанностью каждого мыслящего человека со всей силой и со всем ожесточением препятствовать попыткам военной угрозы России <...>, — писал в своем ответе Ст. Цвейг. — Я твердо убежден, что агитация некоторых безответственных лиц, имеющая целью снова послать миллионы или сотни тысяч людей под пулеметы или газ, не будет иметь успеха. Но этот безусловный оптимизм не должен ослаблять нашей бдительности и нашей готовности решительно бороться с каждой попыткой военной интервенции и предшествующей ей одурманивающей газетной пропагандой».

Несколько иным по своему характеру был ответ О. М. Графа:

«Каждая война сама по себе — преступление. Задача всех мыслящих сознательных людей и государств презирать ее, по мере возможности препятствовать ей и воздерживаться от индивидуальной военной службы <...> Кто в наше время говорит: „Я против империалистической войны с Советским Союзом“, — тот выражает лишь, что он противник войны вообще, и считает Советский Союз желательным общественным

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЁ

Фотооткрытка из серии «Мировые писатели на защиту СССР» с текстом ответа на анкету МВРЛ 1930 г.

Издание Союзфото, 1933, Москва

порядком. Но такой человек ни в коем случае не может ожидать, что в один прекрасный день враждебные силы не инсценируют войны против Советского Союза. Раз мы объявляем себя противниками войны, но считаем войны неизбежными, — все дело для нас будет в том, чтобы заклеймить нападающих как преступников и отказать им во всякой поддержке, а защищающихся от нападения объявить перед всем миром относительно более правыми и оказать им всяческую помощь».

«Я против каждого конфликта с Советским Союзом, от кого бы он ни исходил, — заявил Т. Драйзер. — Я считаю, что Советская Россия является экономической и политической системой, которая уже ныне в состоянии конкурировать с западным капитализмом, а в будущем — возможно, уже в близком будущем — окажется сильнее его...»

Ответ Р. Роллана на анкету МОРПа представляет собой один из наиболее ярких образцов боевой публицистики великого французского писателя:

«Вот уже несколько месяцев националистская печать, все нити которой в руках у интернационала капиталистов, ведет грязную кампанию против СССР (...). Многие из нас (в том числе пишущий эти строки) никогда не были и не будут коммунистами. Я умру, как живу, свободным индивидуалистом. Но сегодня — долой разногласия! Мы объединяемся перед лицом общего врага. Индивидуалисты, или коммунисты, или социалисты, или синдикалисты (с любыми инициалами на знаменах), или радикальные республиканцы (не на словах только, а на деле), мы не потерпим, чтобы под лицемерным прикрытием религии и права, цивилизации и гуманности самая гнусная реакция — реакция золота, штыка, дубины и папской тиары — использовала наши Запад и пыталась бросить наши народы против великих братских народов русской революции, против их героических усилий (...). Заговорщики, вернитесь в свое логово! Прочь руки от СССР!»

Б. Шоу ответил на анкету кратко: «Меня, вероятно, повесят*». Из этого

* М. Голд в своем выступлении привел ответ Шоу в более полном виде: «В прошлую войну меня освистали; в эту — повесят» («Вестник иностранной литературы», 1930, № 6, стр. 168).

шутливого замечания можно сделать вывод, что сам писатель считал неизбежной для себя, в случае войны, активную антиимпериалистическую позицию.

Ответ Дж. Дос Пассоса, также предполагавшего, что в случае войны на него обрушатся серьезные репрессии, отличался весьма характерной для него двойственностью:

«Всякому, кто помнит позиции интернационалистов в начале последней войны, на этот вопрос ответить нелегко. Мне кажется, что мое отношение к Советскому Союзу во время войны будет то же, что и в мирное время: глубокое восхищение, умеряемое не менее глубоким недовольством применяемыми там методами „общественного покровительства“. Это отнюдь не означает, что капиталистические методы общественных репрессий на мой взгляд не хуже: они во много раз хуже. Но так как вопрос, по всей вероятности, будет разрешаться не столько теоретическим отношением, сколько оружием, должен сказать откровенно, что не знаю, что буду делать. По всей вероятности я попаду в тюрьму прежде, чем успею выяснить сам для себя свою позицию».

Полнейшим контрастом большинству высказываний явился ответ Дж. Голсуорси:

«Всякое наступление со стороны всякого — демократического или монархического — государства вызовет недовольство всех, верящих в пакт Келлога».

Вместо ответа на анкету Г. Уэллса в «Вестнике иностранной литературы» была помещена следующая телеграмма его жены, Марджори Уэллс:

«М-р Г. Дж. Уэллс сегодня вечером получил вашу телеграмму, но, к сожалению, считает невозможным телеграфно ответить на ваш вопрос во избежание недоразумений. М-р Уэллс был всегда противником всяких выступлений против Советского Союза и всегда отстаивает искренние и дружественные отношения с ним»²⁰.

Только немногие из писателей решились открыто признаться, что в случае войны займут позицию спокойных наблюдателей.

«Джентльмены! — писал в ответ на анкету американский писатель Г. Л. Менкен. — Получил вашу телеграмму от 3 июля. В ней я не нашел указаний на то, чтобы какая-нибудь империалистическая держава готовилась к войне против СССР. Все они готовятся к войне, но к войне между собою. Мне кажется, что такая война ближе, чем многие считают».

Во всяком случае, я не против войн. Войны, по всей вероятности, бесполезны, но, во всяком случае, очень занимательны».

Возможно, конечно, что это высказывание Менкена выражает собой не равнодушие к важнейшим общественно-политическим вопросам современности, а является одним из образцов характерной для него парадоксальной манеры выражения своих мыслей, бравады.

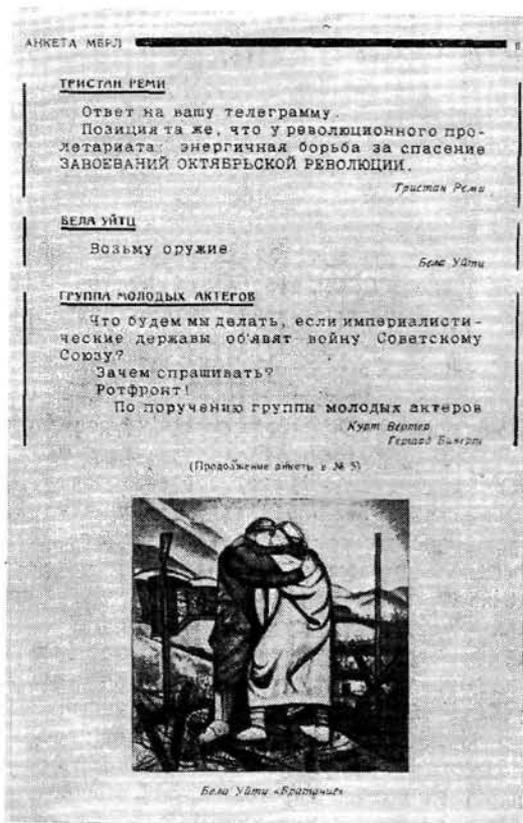
Публикация ответов зарубежных писателей на анкету, продолжавшаяся в трех книжках «Вестника» (№ 4—6), явилась в своем роде кульминационным пунктом трехлетней деятельности центрального органа МБРЛ и привлекла к себе внимание советской общественности. Многие ответы были перепечатаны в газетах — в том числе в «Правде» и «Известиях»; потом они вышли в свет в виде отдельной брошюры. Большая часть этих писательских выступлений сохранила интерес и для нашего времени. Эти «исповедания веры» видных представителей западноевропейской культуры в критический момент мировой истории не только дают возможность судить о политической позиции авторов, но и образуют своего рода исходный пункт для изучения их идейной эволюции в период, предшествовавший войне фашистской Германии против СССР. К этому важнейшему источнику, конечно, будут постоянно прибегать и биографы упомянутых выше писателей, и историки, желающие проникнуть в глубины литературной и общественной жизни конца 1920-х — начала 1930-х годов.

Во второй книжке «Вестника» 1930 г. появилась статья И. Р. Бехера «Шаг вперед», посвященная Союзу пролетарско-революционных писателей Германии, — наиболее крупной пролетарской писательской организации на Западе. В этой статье особенно отчетливо выражены основные установки МБРЛ по отношению к пролетарской литературе и ее основным резервам.

«Наши произведения неясны и неотточены, — писал Бехер, — они не годятся для какой-нибудь нелепой академии поэтов, они недостойны нобелевской премии, они

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ МБРЛ

[Тристана Реми, Бела Уитца и группы молодых немецких актеров. Рисунок Б. Уитца из цикла «Война», 1925 «Вестник иностранной литературы», 1930, № 4

угловаты и грубы, так как родились в бурной стихии могучих исторических сил. Возникла новая пролетарская литературная форма: рабочая корреспонденция и стенная газета (...). В лице рабочих корреспондентов, сотрудников и редакторов стенных газет растет наша писательская молодежь. Благодаря связи наших товарищей с массами, их долголетнему опыту жизни на предприятии, их ежедневно новым впечатлениям, пролетарская революционная литература в их руках достигнет своего расцвета. Стать лицом к производству — вот основная наша задача. Если мы осуществим ее, мы легко избежим опасностей, связанных с нашим литературным ремеслом. Мало того, наше собственное лицо, обращенное к производству, изменится; наши произведения усвоят естественный и простой пролетарский язык, они приобретут запах и краски пролетарского быта, а материалом наших произведений будет все наиболее ценное, наиболее богатое, что только есть в жизни...»

Интересные сведения о Клубе Джона Рида, вскоре ставшем американской секцией МОРПа, сообщил в шестой книжке журнала левый американский критик, автор книги о советском искусстве, Дж. Кьюниц:

«Клуб имени Джона Рида является организацией революционных писателей и художников Америки. Хотя учрежден он только недавно (в ноябре 1929 г.), клуб уже выступал не по одному поводу и очевидно вскоре станет чрезвычайно важным центром, вокруг которого будут собираться все революционные, социально сознательные деятели искусства Соединенных Штатов (...). Естественно, что руководящую роль в клубе играют члены компартии и редакционные работники „New Masses“ (...)

Вся работа делается бесплатно. Никто не получает ни цента. Секретарство, переписка на машинке, уборка клубного помещения — все делается добровольно. Первый входящий в помещение берется за метлу, щетку и пылесос и приводит комнату в порядок. Впрочем, работы бывает немного: комнаты невелики и совершенно пусты —

один старый стол, несколько грубых некрашенных скамей без спинок, два-три распатанных стула и уйма левых картин по стенам.

Да, в самой богатой стране мира клуб революционных пролетарских писателей вынужден владеть жалкое существование. Неудивительно, что мы помещаемся на четвертом этаже старого и разрушающегося дома. Неудивительно, что освещение у нас скверное, уборная плохо работает, библиотека почти без книг, а в кассе ничего нет...»

Автор заметки, приехавший в СССР для сбора материалов к своей новой книге, приводит далее текст письма к нему секретаря клуба Г. Потамкина: «...Скажите нашим товарищам в СССР, что мы с ними заодно в борьбе с капитализмом, империализмом и всем тяжелым наследием прошлого, в борьбе за победу пролетариата...»

В связи с двадцатилетним юбилеем американского революционного журнала «New Masses» в разделе «Запад и Восток» пятой книжки «Вестника» была напечатана заметка, в которой история «New Masses» называлась «славной страницей борьбы за революционное искусство, за искусство революции».

В шестой книжке «Вестника» опубликованы любопытные письма, которыми обменялись секретарь Международного союза демократических писателей и советский писатель Ф. Гладков. В первом из писем сообщалось, что Гладкову выслан устав Международного союза демократических писателей, пользующегося «сочувствием и поддержкой со стороны крупнейших мировых писателей». По утверждению автора письма, «Союз стремился «оправдать свое название и свою программу», будучи убежден, что «интеллектуальное и моральное сотрудничество писателей в международном масштабе будет иметь самые ценные результаты во всех отношениях».

Предлагая «дорогому брату» Гладкову звание почетного члена, секретарь Союза добавлял: «К этому обязывает нас ваш огромный авторитет в современном литературном мире. Ваше участие в Международном союзе демократических писателей даст Союзу поддержку и силу, даст ему возможность развернуть свое дело международной солидарности во всей широте. С другой стороны, некоторые члены нашего комитета, в частности, великий Р. Роллан и В. Маргерит, очень высоко ставят ваше прекрасное произведение „Цемент“. И я в качестве генерального секретаря Союза не могу не выразить своего восхищения этим ценным произведением с его смелой социальной философией. Нам хотелось бы получить экземпляр „Цемент“ на французском языке для библиотеки нашего Союза».

Гладков отвечал:

«Уважаемые коллеги! Я польщен вашим письмом от 25 марта, которым вы оказали мне честь предложением войти в члены вашего объединения. Выражая вам свою признательность, я прошу извинить меня за мой запоздалый ответ. Это запоздание вызвано причинами личного порядка».

Ознакомившись с уставом вашего объединения, я, писатель Советской России, писатель пролетариата, не могу не выразить вам тех моих мыслей, которые возникли у меня сразу же при чтении первого пункта этого устава. Ваше объединение ставит себе целью „развитие демократической солидарности и эмансипации“. Для меня как революционного писателя эта формула не ясна. Первые вопросы, которые рождает эта формула, такие: по какому признаку должна создаваться эта солидарность? во имя каких конкретных целей эта солидарность? что нужно понимать под словом „эмансипация“? Мы, советские граждане, привыкли к резкой определенности во всяких формулировках, к суровой четкости и твердой направленности мысли. Для меня ваша формула туманна, сбивчива, полна недоразумений. Советские литераторы тоже имеют мощное объединение — Федерацию советских писателей. Есть помимо Федерации и Международное бюро революционной литературы. Но эти объединения ставят себе определенную цель — активную борьбу с капиталистическим миром, с его мракобесием, каннибальством, инквизицией, с чудовищной эксплуатацией трудовых масс, с его лицемерной, подлейшей цивилизацией, пропитанной кровью, страданиями, ужасами миллионов. Солидарность солидарности рознь. Солидарности „вообще“ не существует на свете. Я считаю, что солидарность может быть только одна — солидарность классовая. Иная солидарность, „гуманизм“, „эмансипация“ вообще, „демократическая со-

лидарность“ для нас потеряли сейчас всякий разумный смысл. Я нисколько не сомневаюсь, что ваше общество преследует самые высокие цели, самые благородные задачи, но оно слишком смиренномудро, расплывчато, и знамя его слишком неопределенно. Как вам известно, мы не признаём иного знамени, кроме ярко-красного.

Я состою только в революционно-пролетарских литературных организациях, а по-сему, выражая еще раз искреннюю благодарность за ваше предложение, я принужден это предложение отклонить.

Прошу извинить меня за резкий тон этого письма, но для нас резкость тона есть боевой голос людей, непоколебимо стоящих на определенных позициях суровой борьбы».

22 декабря 1929 г. венгерский писатель Л. Кашпак обратился в МБРЛ с письмом, в котором утверждал, что работает в интересах пролетарской революции, что вследствие этого его книги бойкотируются буржуазией, и предлагал издать его произведения на русском и украинском языках, с выплатой ему гонорара, а в случае если это издание вызовет для него в Венгрии неприятности, он просил выступить с объяснением, будто его книги изданы в СССР без разрешения автора. Секретариат МБРЛ ответил писателю, которого принял за «коварнейшего врага», резким отказом (№ 2).

Из критических материалов, напечатанных в «Вестнике» 1930 г., следует указать на статьи А. В. Луначарского «Последняя пьеса Пиранделло», Вл. Клементиса «Словацкая литература», Б. Васильева «Китайская литература» и «Театр современного Китая» (№ 1), Г. Пиралова «Бунт против материи» (об экспрессионизме), Фатимы Риза-Заде «Новинки французского романа» (№ 3), Я. Матейки «Развитие венгерской революционной литературы», М. Скачкова «Современная литература Чехословакии» и Эми Сю «Движение пролетарской литературы в Китае» (№ 6).

В отделе «Запад и Восток» продолжали печататься заметки о новинках зарубежной литературы (в частности — Э. Синклера о Дж. Дос Пассосе — № 4), о рабковском движении на Западе, театральных постановках, кинофильмах, а также автобиографии писателей.

Из работ, посвященных вопросам искусства, отметим статью Дж. Фримена «Американские комические рисунки» (№ 2).

В журнале появился ряд удачных репродукций с портретов и фотопортретов западноевропейских писателей (Л. Турека, А. Шаррера, И. Р. Бехера, М. Голда, Л. Киша, М. Каханы, Э. Мадараса, А. Гыдаша, Ст. К. Неймана и М. Майеровой). Воспроизведены были также титульные листы некоторых зарубежных периодических изданий МБРЛ, представляющих теперь библиографическую редкость.

В начале года редакция объявила, что с третьего номера в журнале вводится отдел литературной консультации. Намерение это, однако, осталось неосуществленным — возможно, просто забытым. Прекратилось в 1930 г. и печатание кратких заметок об авторах публикуемых в номере произведений.

Укажем в заключение, что орган МБРЛ обошел полным молчанием такое событие, как смерть Маяковского, оказавшись, очевидно, в русле тех настроений, которыми определялось отношение к поэту со стороны РАППа и его печатных изданий.

II

«ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

(1931—1932)

На Харьковской конференции 1930 г. «Вестник иностранной литературы» подвергся суровой критике. И в отчетном докладе Б. Иллеша, и в выступлениях делегатов констатировалось, что центральный орган МБРЛ «не вполне справился со своей задачей», «не отражал точку зрения Бюро на ряд вопросов», «часто шлепался в хвосте событий», подчас публиковал «вещи, не только не имеющие ничего общего с пролетарской литературой, но также ничего общего и просто с революционной литературой в более широком понятии этого слова»²¹. Произведения, печатавшиеся в «Вестнике», по утверждению участников конференции, были рассчитаны, главным образом, на

советские интеллигентские круги; начинающим революционным писателям в журнале не уделялось достаточного внимания и т. п.

«Конечно, „Вестник иностранной литературы“ не соответствует задачам нашего движения на данном этапе, — говорил в своем выступлении член редколлегии Б. Ясенский. — Не надо забывать, однако, что он возник три года тому назад, когда движение было лишь в зародыше. Вина его, что он не сумел перестроиться на ходу, поспевая за темпами роста нашего движения. Издаваемый только на русском языке, он тем самым не мог стать подлинно руководящим органом в международном масштабе. Задача его была другая. Он должен был быть органом интернационального воспитания трудящихся масс СССР, воспитывая в особенности молодое поколение, не знакомое уже с капиталистическим строем, в духе международной солидарности и понимания тяжелой борьбы зарубежных братьев по классу. С этой задачей „Вестник“ не справился, не сумев стать массовым журналом, проделав, тем не менее, огромную работу по ознакомлению советского читателя с зарождающейся зарубежной пролетарской литературой.

Ясно, что на следующем этапе развития нашей организации, как организации массовой, охватывающей ныне двадцать две страны, нам нужен другой журнал, с другой установкой, журнал интернациональный не только по своему содержанию, но и по своему языку; нам нужен журнал на нескольких языках. Задачи русского журнала останутся те же, помноженные на массовость и большую классовую четкость содержания. Издания на иностранных языках должны стать подлинными директивными органами не только творческой практики, но и, в первую очередь, руководящей теории, отсутствие которой тормозит до сих пор бурный рост пролетарской литературы за рубежом. На знаменах нашего движения написано: „Литература есть оружие классовой борьбы“. Чтобы это оружие было смертельно, надо не только знать силу собственного удара, надо знать анатомию противника»²².

Реорганизация Международного бюро революционной литературы в Международное объединение революционных писателей повлекла за собой и реорганизацию журнала. Конференция приняла решение превратить «Вестник иностранной литературы» в руководящий теоретический и творческий орган революционно-пролетарского литературного движения, изменив его название и приняв меры к его изданию на русском, немецком, французском и английском языках²³.

На русском языке журнал «Литература мировой революции» начал выходить в свет с января 1931 г.

Состав редколлегии и редакционного совета журнала был обновлен. В редколлекцию вошли: Л. Авербах, А. Гдаш (зам. ответственного редактора), С. Динамов, Б. Иллещ, И. Микитенко, А. Селивановский, А. Халатов и Б. Ясенский (ответственный редактор). В Международный редакционный совет: А. Барбюс, И. Р. Бехер, Дж. Дос Пассос, Э. Глезер, М. Голд, Го Мо-жо, М. Горький, А. Луначарский, А. Магил, Л. Ренн, А. Серафимович, Э. Синклер и Токунага Наоси.

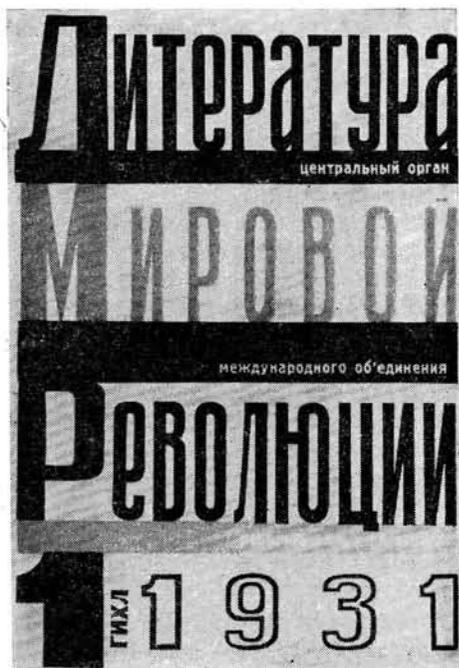
«Наше место — в авангарде атакующих старый мир, — провозглашалось в одной из программных статей. — Новая война и новая революция встретит нас на баррикадах. Готовые к решающим боям и одушевленные классовой ненавистью, мы делаем свое дело. Наша литература — литература мировой революции»²⁴.

В начале 1931 г. вышел в свет специальный номер журнала с подзаголовком «Вторая Международная конференция революционных писателей. Доклады, резолюции, прения». Эта объемистая книга, снабженная многочисленными иллюстрациями, представляла собой внушительное собрание документов, отражающих деятельность Харьковской конференции. В нее не вошли, однако, доклад Л. Авербаха и содоклад И. Анисимова, которые, насколько нам известно, не предоставили редакции текста своих выступлений. Содоклад О. Биха был обработан в виде статьи и помещен в № 4²⁵.

На обороте обложки этого издания напечатано красным и черным шрифтами: «Только борьба против военной угрозы Советскому Союзу дает нам право называть себя авангардными бойцами за новое будущее».

Том, состоящий из 276 страниц, разделен на три части: «Доклады», «Резолюции» и «Заседания. Речи». В начале книги помещено обращение «Итоги 2-й Международной конференции пролетарских и революционных писателей» (подписано: «Секрета-

«ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ»,
1931, № 1
Обложка

риат МОРПа). «Важнейшие результаты 2-й Международной конференции пролетарских и революционных писателей в Харькове (6—15 ноября 1930 г.), — говорится в начале этого документа, — заключаются в ответе на вопрос о возможности развития пролетарской культуры (и литературы) до захвата власти пролетариатом в капиталистических странах».

«Конференция уделила большое внимание, — указывается далее, — творческим проблемам и признала, что творческим методом пролетарской литературы может быть только метод диалектического материализма. Международное бюро революционной литературы, представлявшее при своем зарождении, три года тому назад, организацию писательских единиц, выполнило свое историческое задание организатора разрозненных революционных писательских сил. В соответствии с переходом международной пролетарской и революционной литературы на высшую ступень массового движения, оно перестроилось в массовую литературную организацию, в Международное объединение революционных писателей. 2-я Международная конференция рядом важнейших решений указала Объединению путь его дальнейшего развития. Не только борьба с фашизмом, но и борьба с социал-фашизмом, но и активная защита СССР, но и активная поддержка освободительной борьбы пролетариата в каждой отдельной стране, — вот знамя, которое развернула она перед пролетарскими и революционными писательскими отрядами всего мира».

Через несколько месяцев после выхода в свет русского издания специального номера он был напечатан в Москве на немецком, французском и английском языках и получил довольно широкое распространение за рубежом.

Первый номер «Литературы мировой революции» появился, как мы отмечали выше, в январе 1931 г., без всякого предисловия от редакции. Последовательно выполняя решения конференции, журнал с самого начала проявил себя ортодоксальнейшим проводником основных концепций МОРПа. Редакция не только воздерживалась от публикации непролетарских писателей, но строго ограничивала тематические рамки помещаемых в журнале произведений. Жизнь рабочих, отдельные эпизоды классовой борьбы, безотрадное положение безработных — вот темы, от которых редакция почти не допускала отклонений. Это, разумеется, не могло не придавать некоторой монотонности художественному отделу журнала.

В аннотациях постоянно акцентировалась социальная значимость печатаемых произведений и пролетарское происхождение их авторов. Помещая в первой книжке роман немецкого рабочего писателя-самоучки А. Готоша «Баркас», редакция, например, указывала, что в нем рисуется «кабальная жизнь немецкой рабочей бедноты, опутываемой сетями финансового капитала». Публикации романа «германского рабочего-горняка» Г. Мархвицы «Штурм Эссена» предшествовало указание, что автор «через рабкоровское движение пришел в литературу» (№ 4); роман «Улица без солнца», как подчеркивалось в аннотации, принадлежал перу японского пролетарского писателя Токунага Наоки, «по профессии печатника, одного из основателей революционного профсоюза печатников Токио и одного из руководителей забастовки, описанной в романе» (№ 5-6) и т. п. Подобного рода произведения особенно ценились редакцией журнала, рассматривавшей их как романы «классового опыта пролетариата».

О художественных достоинствах публикуемых произведений редакция, как правило, не упоминала, явно придавая им второстепенное значение.

Помимо названных выше романов, в «Литературе мировой революции» 1931 г. было напечатано еще четыре крупных произведения: «Стачка» Мери Хитон Ворс (№ 2-3), «Машиностроительный завод Н. и К.» В. Бределя (№ 7), «Мир» Э. Глезера (№ 8-9), «Магнит» Р. Х. Сендера (№ 10), а также отрывки из романов «Добыча» Х. Сугасагойтя (№ 5-6), «Феникоттеро» Дж. Джерманетто (№ 11-12), «Филипеску» И. Левдела (№ 11-12).

В многочисленных рассказах и очерках — немецких, французских, польских, чешских, венгерских, китайских, японских и других писателей (большой частью начинающих и малоизвестных) преобладали те же темы, что и в романах²⁶.

В июльской книжке журнала был напечатан ряд документальных очерков под общим заглавием «Карлова Гута». Они принадлежали перу чехословацких литераторов — Ю. Фучика, В. Кани и др., посетивших литейные заводы в чешской Силезии по заданию Союза пролетарских писателей Чехословакии.

«Приехав на заводы, писатели приняли участие в борьбе рабочих с администрацией, участвовали в заседаниях забастовочного комитета, выступали на митингах, печатали материал в местной газете, стояли в пикетах и т. п. <...> Печатаемые ниже очерки членов бригады ценны как документальный пример правильного включения одной из самых молодых секций МОРПа в революционную практику пролетариата Чехословакии», — отмечалось в примечании от редакции (стр. 80).

Нашумевшая поэма Л. Арагона «Красный фронт» была напечатана в № 1 «Литературы мировой революции» (в переводе С. Кирсанова). Произведение это, как отмечалось в аннотации, «является первым подлинно революционным произведением Арагона», «результатом пребывания тов. Арагона в СССР и ознакомления его с социалистическим строительством» и знаменует собой «резкий поворот в творчестве молодого писателя в сторону политически заостренной агитационной поэзии».

Теме социалистического строительства в СССР была посвящена и поэма И. Р. Бехера «Великий план», отрывки из которой появились в № 2-3 «Литературы мировой революции». Гневно обличалась колониальная политика империализма в поэме А. Гидаша «Колонии кричат» (№ 11-12).

В других номерах журнала были напечатаны стихотворения В. Броневского, Э. Вайверта, Ф. Вольфа, Ю. Грота, Э. Мадараса, Ст. Р. Станде и Эми Сяо.

К ожесточенной критике «Monde» и его главного редактора «Литература мировой революции» в течение 1931 г. возвращалась неоднократно. Это была последовательная кампания, проводившаяся в гораздо более резкой форме, чем раньше.

В отделе «Обзоры» первой книжки журнала была напечатана редакционная статья «По наклонной плоскости», по-видимому, принадлежавшая перу Б. Ясенского. В ней анализировалась с особой предвзятостью деятельность «Monde» за последние два месяца 1930 г. Разносу подвергся Барбюс и в статье А. Селивановского «„Пролетарская“ литература г-на Пуайяля» в отделе «На литературных фронтах» сдвоенной пятой-шестой книжки журнала.

«Международная хроника» являлась, пожалуй, самым интересным и содержательным разделом «Литературы мировой революции» в течение всего 1931 г. Здесь получила отражение в самых разнообразных аспектах культурная жизнь многих стран — Франции, Германии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Финляндии, Норвегии, Испании, США, Бразилии, Китая, Японии. Деятельность зарубежных секций МОРПа и других левых литературных организаций, отголоски Харьковской конференции, библиографические данные, сведения о революционных периодических изданиях, театральные новинки и киноновинки, изобразительном искусстве, полемические заметки, очерки о творчестве прогрессивных и реакционных деятелей, о распространении за рубежом произведений советских писателей — все это мы находим в «Международной хронике», сохраняющей до сих пор незаурядный интерес. Приведем в качестве примера несколько строк из заметки, сообщавшей об исключительной популярности советской литературы в Японии 1930 г.:

«Нет ни одного сколько-нибудь заметного произведения советского писателя, особенно пролетарского, которое немедленно же не было бы переведено на японский язык. Не только пролетарские издательства, но и буржуазные весьма охотно издают советских писателей, поскольку книжный рынок чрезвычайно быстро поглощает советскую литературу» (№ 1).

Обострение правительственного террора на Западной Украине вызвало следующее обращение «Ко всем писателям мира» виднейших деятелей МОРПа (в отделе «Документы» первого номера журнала):

«Тот, кто перед лицом подобных зверств молчит, заслоняясь тем, что он не вмешивается в „политику“, становится тем самым в ряды сообщников той одичалой мрази, которая железом и плетью пытается заглушить освободительное движение поработенной страны под крылом палаческого режима кровавого солдата в маршальском мундире, властвующего ныне над этой страной с милостивого соизволения правительств империалистических держав. Само существование государства, где на глазах у всех могут разыгрываться подобные гнусности, где они стали системой, основой государственного режима, — является позором для всего трудящегося человечества, для каждой мыслящей единицы, претендующей на звание культурного человека.

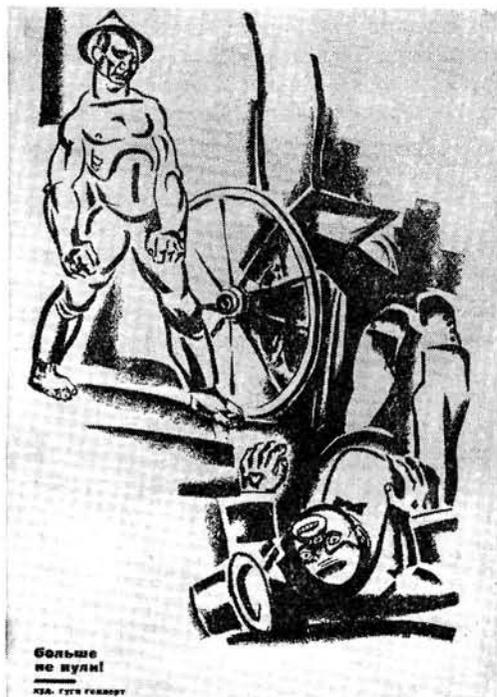
Писатели всего мира! Если вы не чувствуете себя ответственными за эти злодеяния, если не хотите стать сообщниками этого позора и покрыть им навсегда свои имена перед трудящимися массами всех стран, — ваша задача, ваша обязанность — мобилизовать население вашей страны для борьбы за освобождение из рук польских бандитов истерзанных жертв их кровавого произвола...»

Обращение было подписано: И. Р. Бехером, Э. Э. Глезером, Э. Э. Кишем, Л. Ренном, Анной Зегерс и Г. Мархвицей (Германия), А. Барбюсом и Л. Арагоном (Франция), Р. Эллисом и Г. Хезлопом (Англия), Э. Синклером, М. Голдом и Дж. Дос Пассосом (США), В. Иллешем и А. Гидашем (Венгрия), В. Вандурским, Т. Домбалем, Б. Ясенским и Ст. Бобиньским (Польша), М. Ирчаном (Зап. Украина), Л. Новомеским и Вл. Клементисом (Чехословакия), М. Каханой (Румыния), Л. Лайценом (Латвия), Токунага Наоки и Фудзимори Сейкити (Япония), Го Мо-жо и Эми Сяо (Китай), Лахути (Персия), Хамди Селямом (Египет), Л. Авербахом, Ф. Гладковым, Ю. Либединским, И. Микятенко, А. Серафимовичем и А. Фадеевым (СССР).

В седьмой книжке журнала редакция сообщила о том, что польский фашизм, «решив одним ударом покончить с пролетарской литературой, запретил орган группы польских писателей журнал „Литературный ежемесячник“ и бросил в тюрьму лучших представителей польской пролетарской литературы». В связи с этим значительная часть следующей, восьмой-девятой книжки журнала была посвящена творчеству польских писателей-революционеров — Ст. Р. Станде, Вл. Броневского и А. Вата.

Приезд М. Горького в СССР вызвал специальное обращение секретариата МОРПа.

«Революционные писатели всего мира приветствуют приезд в СССР Максима Горького, литературная деятельность которого является подлинным образцом для каждого революционного писателя (...), — читаем мы в этом обращении. — Сила Горького, сила всей нашей пролетарской литературы — в силе растущей социалистической революции» (№ 2-3).

«БОЛЬШЕ НЕ КУЛИ!»
Рисунок Гуго Геллерта
«Литература мировой революции»,
1931, № 1

«Литература мировой революции» продолжила традиции «Вестника иностранной литературы», регулярно публикуя в критическом отделе журнала обзорные статьи о революционных литературах зарубежных стран. Так, в этом отделе были напечатаны статьи Мацуямы «Пролетарская литература Японии» и М. Голда «Литература современной Америки» (№ 2), Э. Фросса «Пролетарская и революционная литература Латвии» (№ 7), Ст. Р. Станде «Польская пролетарская литература» (№ 8-9), Г. Бакалова «Революционная литература Болгарии» (№ 10), И. Регента «Революционная литература словенцев» и Г. Крауса „Левифронтское“ движение в Чехословакии» (№ 11-12).

В десятом номере журнала помещена статья С. Динамова «Теодор Драйзер идет к нам». Приведем несколько строк из ее заключительной части, дающих представление о характере всей статьи: «Идеолог мелкой буржуазии, выступавший с очень слабой критикой крупного капитала и сам же им восхищавшийся <...>, проповедник индивидуализма, противник коммунизма—Теодор Драйзер в наше время становится революционным публицистом, принимает участие в широко проводимых коммунистической партией агитационных кампаниях, выступает с резкой критикой капиталистической системы и с горячей защитой СССР <...> Путь Драйзера к революции еще долг. Возможны изгибы. Возможны повороты. Но невозможен уже старый Теодор Драйзер: есть новый художник, преодолевающий новые трудности и одерживающий новые творческие победы. Вперед и дальше, Драйзер!»

Рапортуя о выполнении заданий, поставленных перед МОРПом Харьковской конференцией, секретаряат Объединения отметил, что к четырнадцатой годовщине Октября в Германии, Америке, Японии, Китае, Польше, Западной Украине, Финляндии, Латвии, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Болгарии и Испании организованы секции МОРПа, а также инициативные группы в Англии, Франции, Литве, Швеции, Югославии. «Все эти секции и инициативные группы ведут систематическую работу по защите Советского Союза как в рабочей печати, так и в печати левой интеллигенции», «принимают участие в повседневной революционной практике пролетариата и его авангарда. В этом году за проведение этой работы были арестованы десятки членов национальных организаций МОРПа. Двое пытками доведены до сумасшествия, шесть казнено в Ки-

тае. Но ни на одну минуту не ослабевала борьба революционных писателей всего мира за защиту СССР против империалистической интервенции.

Центральный орган МОРПа, журнал «Литература мировой революции», выходящий параллельно на четырех языках: немецком, английском, французском и русском, — отмечалось в рапорте, — «впервые начал передавать опыт пролетарской литературы СССР мировому литературному революционному движению и продолжает за рубежом работу, которую в пределах СССР проводят РАПП и ВОАПП <...> Надо отметить, что, не имея опыта в такой огромной и сложной работе, а также не располагая достаточно подготовленными кадрами, журнал имеет в своей работе на сегодняшний день ряд недочетов, которые в ближайшее время должны быть выправлены...» В заключение секретариат МОРПа торжественно обещал «...сделать из журнала „Литература мировой революции“ подлинный руководящий орган мировой революционной литературы...» (№ 11-12).

Цитируемый нами отчет был напечатан в последней книжке журнала за 1931 г. и подписан по поручению секретариата МОРПа Б. Иллешем, Б. Ясенским, Л. Авербахом и А. Гидашем.

В «Литературе мировой революции» 1931 г. было напечатано множество иллюстраций на вкладных листах — картины, плакаты и фотомонтажи художников У. Гроппера, Г. Геллерта, Г. Грундига, Л. Лозовика и др., изображавшие бедственную жизнь безработных в капиталистическом мире, положение колониальных народов, а также карикатуры, обличавшие буржуазию и буржуазную демократию. В журнале время от времени воспроизводились обложки и титульные листы зарубежных революционных периодических изданий.

Объявление о предстоящем выходе в свет, наряду с русским, трех параллельных иноязычных изданий появилось на обложке январской книжки журнала. В этом объявлении не разъяснялось, будут ли параллельные издания идентичны русскому, а также друг другу. Ничего об этом не говорилось и в объявлении, напечатанном на обложке седьмой книжки. «Иностранная издания „Литературы мировой революции“, — сообща-

«ДИРИЖЕР»

Рисунок Уильяма Гроппера
«Литература мировой революции»,
1931, № 1

дирижер
худ. Уильям Гроппер

лось там,— приносят лучшие образцы современной международной пролетарской и революционной литературы.— «Необходимым пособием для всех изучающих иностранные языки», «лучшим литературно-художественным журналом на родном языке для иностранных рабочих в СССР»,— назвала редакция новый орган, стремясь по возможности расширить круг своих читателей.

Секретариат МОРПа обратился ко всем секциям с циркуляром. В нем указывалось: «Первые два номера „Литературы мировой революции“, журнала, публикуемого на четырех языках, уже готовы к печати. Согласно решениям конференции этот журнал будет не только освещать проблемы мировой литературы, но и руководить международным революционным движением.

Журнал будет включать международный литературный и критический материал, текущие литературные явления, отрывки из работ классиков марксизма (Ленин, Плеханов) и теоретические статьи об основных литературных проблемах. Необходимо, чтобы секции МОРПа помогли журналу, снабжая его материалом (литературные произведения, рабочие корреспонденции, литературные и культурные новости и т. д.). Исчерпывающие материалы должны быть даны о литературных дискуссиях и о преследовании революционной литературы, с тем, чтобы МОРП смог высказать свое решение о первых и дать должный отпор вторым. Первый номер журнала должен быть всеми обсужден с тем, чтобы выяснить, насколько он соответствует своей цели и какие отделы должны быть расширены. Все замечания должны быть пересланы в Секретариат МОРПа.

Секретариат предлагает всем секциям МОРПа присылать произведения пролетарских и революционных писателей, особенно таких, которые не могут быть напечатаны у себя, для публикации в «Литературе мировой революции», а также для переводов на русский, украинский и др. языки. Специальная комиссия печати МОРПа будет распределять эти рукописи...»²⁷

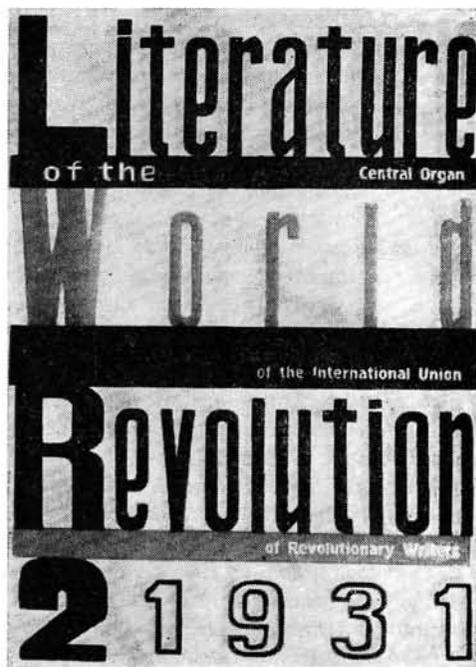
Первые книжки иноязычных изданий — французского, немецкого и английского («Littérature de la Révolution Mondiale», «Literatur der Weltrevolution» и «Literature of the World Revolution») вышли в свет, как обозначено на их титульных листах, в июне — июле 1931 г. До конца года было выпущено по пяти номеров каждого издания; эти издания в дальнейшем должны были выходить раз в два месяца.

В отличие от русского издания, иноязычные выпуски содержали в себе труды не только зарубежных, но и советских писателей. Выбор художественных произведений советской литературы, предназначенных для ознакомления иностранной читательской аудитории, не отличался продуманностью. Явное предпочтение почему-то оказывалось многоактным пьесам. Из крупных произведений на страницах иностранных журналов появились только «Первая конная» Вс. Вишневского, «Бал манекенов» Б. Ясенского (во всех трех изданиях) и «Хлеб» В. Киршона (в немецком). Помимо этого, в иноязычных выпусках было напечатано несколько рассказов советских писателей («Китайские новеллы» О. Эрбберга, «Болтовня» Л. Овалова), а также ряд очерков из жизни советских рабочих, крестьян, детей (Б. Галина, Ф. Панферова, В. Ильенкова и др.). Наиболее значительным из них можно считать очерк Н. Тихонова «Кочевники».

Иностранная художественная литература была представлена в журнале отрывками из романов, рассказами, очерками и стихотворными произведениями Л. Арагона, И. Р. Бехера, В. Бределя, Э. Вайнерта, П. Вайяна-Кутюрье, Й. Коларича, Л. Лайцена, Э. Мадараса и др., по большей части уже напечатанными в русском издании.

Отдел критики включал в себя ряд материалов, не появившихся на русском языке в «Литературе мировой революции». Назovem в первую очередь статьи А. В. Луначарского «Индивидуализм и революция», И. Анисимова «Роллан с нами», В. Фриче «Фрейдизм в искусстве». В отделе «Книжное обозрение» иностранных изданий регулярно рассматривались литературные новинки текущего года.

«Международная хроника всех трех журналов обширное место уделяла литературной жизни Советского Союза. «Писатели на завод! Рабочие в литературу!» — этим характернейшим лозунгом того времени открылся отдел «Международной хроники» первого номера французского издания, содержавший обращение рабочих одного из московских заводов ко всем пролетарским писателям Советского Союза.

«ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Французское издание (1931, № 1) и английское издание (1931, № 2)

Обложки

Программная статья, озаглавленная «Чей фронт?», была помещена во всех трех иноязычных изданиях. Она представляла собой нечто вроде открытого письма правления МОРПа к редакторам американского двухмесячника «Front». Этот журнал обвинялся в проведении социал-фашистской тактики и в предоставлении своих страниц классовым врагам. Правление МОРПа предлагало редакции открыто высказать свое кредо, опубликовать в журнале «Front» материалы Харьковской конференции и, осудив все ошибки, допущенные в четырех вышедших номерах, немедленно приступить к публикации статей, отвечающих требованиям МОРПа.

«Если вы дадите нам свидетельство своей доброй воли и желания применить на практике эти весьма простые меры, МОРП будет вас всесторонне поддерживать. В сущности, МОРП уже оказывает вам поддержку, публикуя настоящее письмо в своем руководящем органе», — так заканчивался этот характерный документ.

Первая книжка французского издания «Литературы мировой революции» была конфискована во Франции — после того, впрочем, как почти весь тираж ее разошелся. Полицией было захвачено только триста пятьдесят экземпляров в книжном магазине «Humanité». Предлогом для конфискации послужила напечатанная в этом номере поэма Арагона «Красный фронт».

«Ряд видных мировых писателей, входящих в состав МОРПа или симпатизирующих его политическим установкам, опубликовал уже решительный протест против этого очередного полицейского произвола, требуя немедленного снятия конфискации с упомянутого номера и обеспечения дальнейшего свободного распространения во Франции французского издания центрального органа МОРПа, — отмечалось в русском издании. — Писатели эти призывают левую интеллигенцию Франции принять участие в широкой кампании протеста против фашистских методов борьбы с революционной литературой, применяемых „демократическими“ французскими властями».

Здесь же редакция перепечатала следующее высказывание «Humanité» по поводу случившегося:

«...Полиция демократической Франции сочла нужным конфисковать этот номер, делающий честь революции и пролетариату. Буржуазия старается задушить голос и мысль рабочего класса. Таким образом французская секция Международного объединения революционных писателей возникает под знаком репрессий. Под огнем преследований мы будем расти, укреплять свои позиции, воздвигать в противовес буржуазной культуре и литературе первые бастионы пролетарской литературы во Франции (...)

Но наши надежды, наши братские заботы обращены прежде всего на рабочих, на рабкоров. Им мы верим. Они создадут подлинное лицо нашего движения, дадут ему размах, революционный дух. Пролетарские писатели Франции будут борцами. „Литература мировой революции“, дышащая борьбой, зовет их к борьбе и к победе».

* * *

В состав редколлегии «Литературы мировой революции» в 1932 г. были введены дополнительно Анна Берзинь и Дж. Джерманетто. Международный редакционный совет пополнился М. Андерсеном-Нексё, Т. Драйзером и Р. Ролланом. Из Совета был исключен А. Барбюс.

На обороте обложки № 1 «Литературы мировой революции» 1932 г. было помещено следующее обращение от редакции:

«Вторая международная конференция революционных писателей, состоявшаяся в Харькове в ноябре 1930 г., перечисляя задачи, стоящие перед Международным объединением революционных писателей на новом этапе развития международной революционной литературы, отметила как одну из неотложнейших задач — реорганизацию прежнего центрального органа Международного бюро революционной литературы журнала „Вестник иностранной литературы“ (...). В осуществление этого решения и был организован в 1931 г. новый центральный орган МОРПа — журнал „Литература мировой революции“ (...). „Литература мировой революции“ будет бороться: за интернациональное воспитание масс; за большевистскую непримиримость по отношению к классово враждебной литературной и теоретической контрабанде; за новые кадры партийных, в ленинском понимании этого слова, литературоведов и критиков».

В течение 1932 г. в «Литературе мировой революции» было напечатано шесть романов. В одном из них — «Вольфрам» Ц. Вальехо (№ 3) описывалась колонизаторская политика империалистов в Перу, угнетение и грабеж аборигенов; во втором — «Людской рынок» Ш. Гергея (№ 5) — жизнь венгерских профессиональных революционеров; тема третьего романа — Токунага Наоси — достаточно полно раскрывается его названием: «Токио, город безработных» (№ 6) *; в четвертом романе — Г. Бранда «Непонятное слово» (отрывок) — описывалось рабочее движение в Германии. Пятый и шестой романы — «1919-й год» и «1917» — принадлежали перу Дж. Дос Пассоса (№ 7-8 и 9-10) ²⁸.

Из других произведений, опубликованных в «Литературе мировой революции» 1932 г., следует отметить пьесы Б. Брехта «Высшая мера» (фрагмент — № 1), С. Кувельской «Листовка» (№ 5), Б. Шоу «Плохо, но правда» (№ 9-10), памфлет П. Низана «Его превосходительство господин буржуа» (№ 1), а также повести и рассказы Ч. Ашли, М. Голда, Э. Гинкеля, Дин Амита, Й. Ласта, Иды Поль, Х. Селяма, Э. Фальковского, У. Чемберса, И. Ольбрахта, Ш. Андерсона и др. ²⁹

Стихотворные произведения, напечатанные в 1932 г., принадлежали перу Л. Арагона, Э. Вайнерта, А. Гидаша, Э. Гинкеля, Э. Мадараса, Ст. Р. Станде, Л. Хьюза, Цой Хорима, Эми Сяо и Эс-Хабиб-Вафы.

Январская книжка журнала открылась резолюцией секретариата МОРПа о задачах этой организации в связи с появлением в печати письма Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма».

* Два рассказа того же автора из жизни японских типографских рабочих — «Мелкий собственник» и «Комитет производительности» — также были напечатаны в «Литературе мировой революции» (№ 1 и 7-8). Редакция в это время особенно часто знакомила читателей с произведениями японских авторов: кроме Токунага Наоси, в «Литературе мировой революции» в 1932 г. печатались рассказы Фудзимори Сэйкити, Кобаяси Такидзи, Фусао Хаяши и Катаоко Тешепя.

«...Быстрый рост МОРПа, превращение его из Бюро, объединявшего ряд писательских групп, в массовую международную организацию, объясняется именно его правильной литературно-политической линией, непримиримой борьбой на два фронта, использованием опыта борьбы большевизма в области культуры...», — заявлялось в резолюции. — МОРП в целом и ряд его секций вели упорную борьбу с меньшевистским неверием в возможность зарождения и развития пролетарской культуры в рамках капитализма (Германия, Венгрия), с литературной агентурой социал-фашизма (Япония, Польша). Отмечая, что пролетарские писатели всего мира подходят к практике борьбы международного рабочего класса, опираясь на исторический опыт большевизма, секретариат МОРПа указывал тем не менее, что «в ряде пролетарских романов классового опыта не учтено и недостаточно показано влияние пролетарской революции СССР на развитие революционного движения в капиталистических странах».

Называя «особенно ярким примером гнилого либерализма» журнал «Monde», секретариат МОРПа указывал на «проявление гнилого либерализма» и в американском органе «New Masses», а также, «в порядке самокритики», «в центральном органе прежнего МБРЛ „Вестнике иностранной литературы“, печатавшем представителей буржуазной критики».

Приветствуя создание во Франции Ассоциации революционных писателей, принявшей за основу литературно-политическую платформу МОРПа, секретариат последнего опубликовал в февральской книжке журнала резолюцию «Задачи Союза революционных писателей Франции», в которой утверждал ее как свою французскую секцию. При этом Ассоциации предлагалось немедленно приступить во Франции к организации групп «друзей МОРПа» и его центрального органа. Задачей этих групп должно было стать изучение «опыта мировой пролетарской литературы, в частности, пролетарской литературы СССР, продвижение ее произведений во Франции, воспитание кадров марксистских литературных критиков и превращение этого движения в широкое движение революционно-марксистской интеллигенции». В резолюции резко противопоставлялась «подлинно пролетарская литература» различным течениям «псевдопролетарской литературы».

«Примером писателя, внутренняя эволюция которого привела его на позицию революционного пролетариата, — указывалось в том же документе, — может служить т. Ромен Роллан, пламенный защитник СССР, подвергший в своем „Прощании с прошлым“ решительной и мужественной критике свои гуманистические ошибки и поставивший себя тем самым в ряды передовых борцов мировой пролетарской революции. Объяснение того факта, что т. Ромен Роллан, член редсовета и сотрудник центрального органа МОРПа, находится до сих пор вне нашей международной революционной писательской организации, надо искать, несомненно, в его нежелании подчиняться неверно понятой партийной дисциплине. Одной из задач французской секции МОРПа должно стать разрушение такого рода представлений и вовлечение в свои ряды таких писателей, как т. Ромен Роллан, который своей литературно-публицистической деятельностью за последний год вполне заслужил почетное звание революционного писателя».

Резолюция несправедливо противопоставляла Роллану Барбюса, будто бы «перешедшего на буржуазные позиции», «вследствие отсутствия крепкого пролетарского мировоззрения и крепких революционных установок». При этом сообщалось, что редколлегия и редакционный совет «Литературы мировой революции» постановили исключить Барбюса из состава редакционного совета и представили это решение на утверждение президиума МОРПа.

Еще до того, в январской книжке журнала была напечатана резкая статья Ж. Фревиля «Ответ на манифест», направленная против «Monde» и Барбюса.

В февральской книжке появилась новая статья Б. Ясенского о «Monde». Он подверг в ней рассмотрению содержание журнала за 1931 г. по трем пунктам: «Как „Monde“ боролся в этом году против фашизма и социал-фашизма», «Как поддерживал освободительную борьбу поработенных колониальных народов» и «Как боролся против империалистической войны и защищал Советский Союз». По всем трем пунктам автор статьи сделал самые неутешительные выводы.

«В бой против угрозы мировой империалистической войны», — так называлось обращение МОРПа ко всем революционным писателям мира, напечатанное в апрельской книжке в связи с начавшейся империалистической войной Японии против Китая.

«Цепь наглых провокаций доказывает, что война в Китае — лишь пролог к небывалой, ужаснейшей и гнуснейшей войне, какую когда-либо знала история — к войне против Союза Советских Социалистических Республик», — говорилось в этом обращении.

«В этот грозный ответственный час мы зовем вас к действию. Ваш долг — всеми вам доступными средствами мобилизовать массы рабочих и трудовой интеллигенции, чтобы воспрепятствовать уже задуманным и уже начатым войнам. Если вынехотите быть запятнанными соучастием, разоблачайте подстрекателей войны — фашистов и социал-фашистов, разоблачайте елейное бессилие и сознательное лицемерие пацифистов всех мастей. Нельзя терять ни минуты! Война стала фактом, война уже идет, и если вы немедленно с величайшей энергией не возьметесь за работу, если мы не сумеем мобилизовать широкие трудящиеся массы против войны, — половина земного шара превратится в ближайшее время в театр военных действий. Пролетариат и трудовая интеллигенция всех стран должны, не теряя ни секунды, взяться за дело! Мы зовем вас на борьбу и убеждены, что родина всех трудящихся может рассчитывать на вас...»

В том же номере сообщалось, что МОРП обратился к писателям всего мира с вопросом: «Что вы делали, что вы намерены сделать сейчас, когда империалистическая война уже началась, когда японский империализм громит уже Китай, когда война, вспыхнувшая на Востоке, грозит превратиться в войну всех империалистов против СССР?»

«В момент, когда на полях Шанхая грохочут орудия империализма, готовые повернуться в любую минуту против заветной мипени — против родины и оплота всех трудящихся мира — Страны Советов, — организованная МОРПом, через головы империалистических правительств, переключка наших друзей приобретает особое значение. Это не только проверка нашего революционного литературного фронта за спинами империалистических генштабов, это одновременно и напоминание: будьте готовы! действуйте! время не терпит! Если действительно не хотите взять на себя ответственности за позорнейшую из войн, за войну против родины всего трудящегося человечества, не ограничивайтесь декларациями, боритесь с войной сегодня, мобилизуйте массы на защиту СССР, старайтесь воспрепятствовать всеми средствами грабительскому разделу Китая и избиению его трудящихся масс. В этой международной переключке особенно громко должно зазвучать слово советского писателя, писателя единственной в мире свободной страны строящегося социализма. Через рогатки границ, впервые, в грозный час надвигающейся войны советский писатель и революционный писатель Запада и Востока обмениваются боевым рукопожатием.

На защиту СССР, родины всех трудящихся, первого социалистического государства!

В бой за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых!

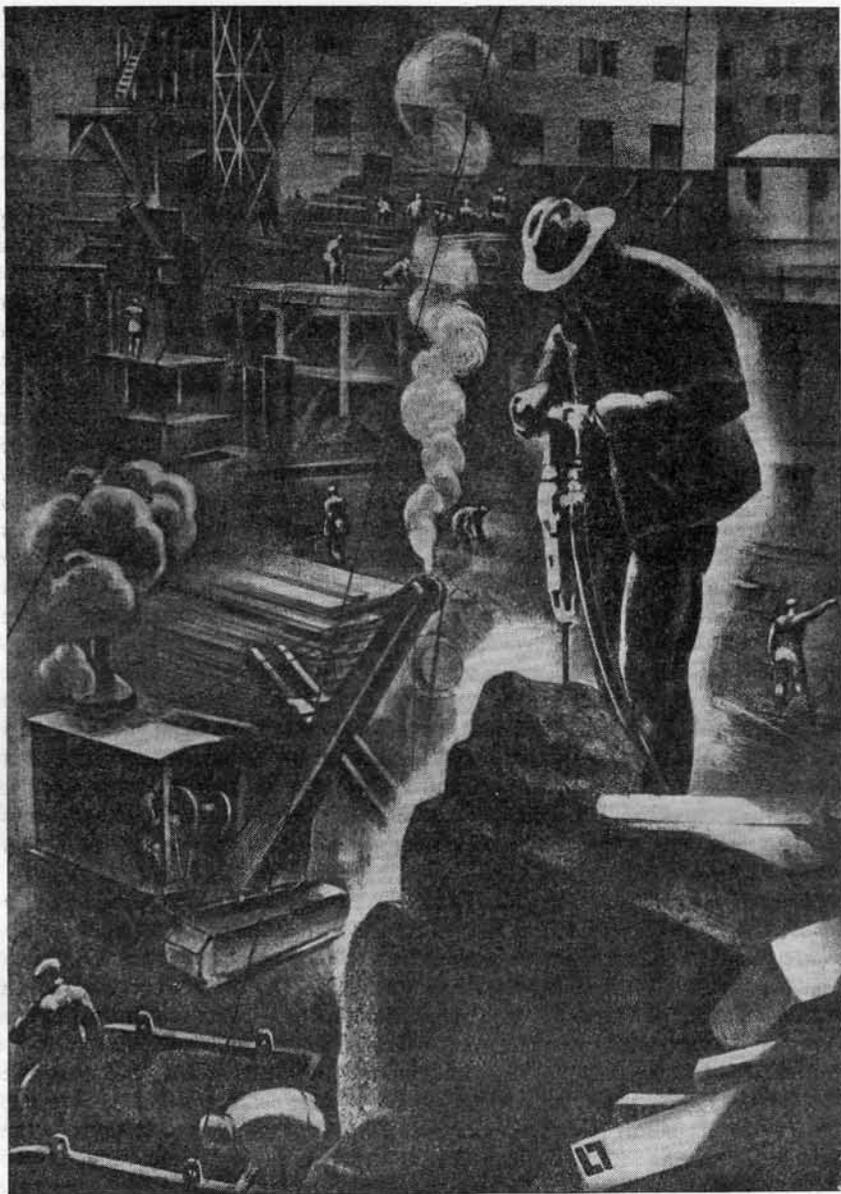
В бой за мировую революцию!»

Подборка «Под грохот орудий. Зарубежные писатели — трудящимся массам СССР и Китая» открылась выступлением Р. Роллана, напечатанным под заглавием «Держите убийц!»:

«Во имя подвергающегося нападению Китая, во имя СССР, которому угрожает опасность, во имя народов всего мира, во имя великой человеческой надежды, которую вызывают и поддерживают в нас пробуждение народов поработенной Азии и героическое строительство пролетарской России, я зываю: „На помощь! Держите убийц!“

Я разоблачаю перед лицом всего мира гнусную ложь правительств Европы и Америки и, в первую очередь, Франции, этой кучки авантюристов на службе у поставщиков вооружений, которые по всей земле протягивают свои хищные руки и пользуются японским империализмом, как секирой палача, чтобы рубить головы революции.

Я разоблачаю предательство той интеллигенции, которая некогда была караульным на носу корабля и вела его в бурю, но которая теперь покупает себе спокойствие

«РОЖДЕНИЕ НЕБОСКРЕБА»

Литография Луиса Лозовика, 1930

«Литература мировой революции», 1931, № 5-6

Воспроизводится с оригинала. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина,
Москва

и уют позорной ценой своего молчания, своей лакейской лести и служит интересам и мстительности хозяев золота и почестей.

Я разоблачаю женевскую ярмарку, паясничанье Лиги наций.

Я взываю к дремлющему сознанию лучших сил Европы и Америки.

Я призываю не осознавшие еще себя колоссальные силы народов всего мира разорвать петлю, которую плутократический и военный фашизм собирает завтра накинуть для того, чтобы убить в зародыше революцию.

Я призываю все силы скрепить союз рабочих масс всех освобожденных народов».

«Мое отношение к войне вообще и в частности к подготовляемой международной бойне и к нападению на СССР является отношением революционера и коммуниста,— писал в своем ответе, озаглавленном „Разоблачить поджигателей войны“, А. Барбюс.— До войны 1914 г. я был пацифистом и верил в арбитраж между нациями и в возможность избежания конфликтов с помощью мероприятий и соглашений между „нациями“. События дали мне более отчетливое представление о действительности, и я считаю сегодня эту искусственную концепцию не только ложной и опасной, но и убийственной. Все прокламации и все меры, исходящие от великих держав, находящихся в руках „деловых людей“, имеют целью *обман масс*. Капитализм, основанный на конкуренции и на экономической войне, не может жить иначе, как согласно антагонистическим принципам; последние рано или поздно приводят к *вооруженному столкновению*. Колониальные экспансии и другие формы империалистических захватов все больше и больше нуждаются в *вооружениях*. Вооружение необходимо в одинаковой степени и для защиты буржуазной власти, против наступления эксплуатируемого и угнетенного рабочего класса. Современное международное положение определяется неравными и несправедливыми договорами, навязанными побежденным нациям в результате войны 1914 г., экономическим кризисом, глубокой причиной которого является бессилие капитализма справиться с экономическими, национальными и международными проблемами. Находящийся при последнем издыхании буржуазный режим пытается сохранить власть двумя способами: *насилием* — исключительными законами, фашизмом, а также демократическим и пацифистским шарлатанством, вводящим в заблуждение доверчивые умы. *Война также неизбежна завтра после последнего всеобщего международного пожара, какой она была накануне этого кровавого бедствия* <...>

Классовая ненависть против СССР была одним из факторов сочувствия капитализма, и в частности европейского империализма, в нападении Японии на Манчжурию и в ее открытой попытке начать колонизацию Азии в своих интересах. Общая обязанность работников физического и умственного труда, и особенно писателей, не могущих оставить без внимания это положение вещей, не нарушив своей миссии представителей общественности и солдат своего класса,— *открыть глаза на обстановку, ставшую более трагической, чем когда-либо.* Этого требуют интересы и будущее человечества».

«Вы спрашиваете меня, как я в настоящий момент реагирую на угрозу империалистической войны и попытку окружения советской территории авангардом капитализма, Японией,— писал Ж. Р. Блок.— Не дожидаясь начала кризиса, мое свободное и непосредственное противодействие проявилось в постоянной личной деятельности,— где бы я ни находился,— в письменных выступлениях, в статьях, регулярно публикуемых в журнале „Еurore“, и в особенности в произведениях, над которыми я сейчас работаю; первое из них должно появиться этой весной в „Nouvelle Revue Française“.

Я не коммунист, я не принадлежу ни к какой партии, я повинуюсь только велениям моей совести, но мои установки нисколько не изменились с 1917 г. В теории, как и на практике, моя позиция всегда была продиктована уважением и сочувствием к русской революции; я непрестанно горячо защищал пролетарское государство. Я непоколебим в своих симпатиях. И если наши усилия в один прекрасный день окажутся недостаточными, чтобы остановить империализм, стремящийся к войне, тогда я без колебания, так же, как и Ромен Роллан, приму ленинскую тактику».

Отвечая в 1930 г. на аналогичную анкету МБРЛ, Ст. Цвейг выразил убеждение, что «агитация некоторых безответственных лиц, имеющих целью снова послать милли-

оны или сотни тысяч людей под пулеметы или газ, не будет иметь успеха» (см. выше, стр. 556). За два протекших года взгляды писателя претерпели значительную эволюцию. В своем ответе на анкету МОРПа Цвейг писал:

«Вы имеете слишком много оснований крайне настойчиво указывать своей стране и другим странам на грозящую опасность войны. Эта опасность представляется мне действительно неизмеримо большой. За эти два года, благодаря европейскому и американскому кризису, положение сильно обострилось. Два года тому назад мне казалось — и я открыто вам это высказывал, — что война невероятна, потому что ни для кого, даже для тяжелой промышленности, она не представляла существенного интереса. Дела шли хорошо, хозяйство находилось в состоянии подъема, в широких буржуазных, а также и рабочих кругах господствовало относительное довольство, надеялись, что и общественное строительство пойдет ускоренным темпом. Но с тех пор как с такой силой разразился кризис, для некоторых групп предприятий не оказалось другого выхода из хаоса, как создать еще больший.

Для многих отраслей индустрии война вне своей страны явилась бы единственным спасением от неизбежного банкротства. И действительно, сейчас же за первыми военными действиями Японии на мировой бирже поднялись акции некоторых отраслей промышленности. К этому прибавляется также отчаяние безработных. Сотни тысяч юношей, особенно в Германии, не находят ни приложения, ни какого-либо разрядки своей энергии и готовы бежать от этого вынужденного ничегонеделания, заняться чем-нибудь, бороться безразлично за что: за Китай или Японию, за фашизм или против фашизма, от праздного и безнадежного бездельничанья броситься в бессмысленную авантюру.

Рабочий класс Европы устал, истощен, не знает настоящего подъема, так как не видит перед собой цели. Рабочие присмирели, так как кризис угрожает существованию каждого из них.

Итак, сейчас особенно благоприятное время для поджигателей войны: в первый раз они нашли бы последователей не из числа тех, которые войны *хотят*, но из числа тех, которые в войну *бегут*, чтобы избавиться от современного нервно-напряженного состояния.

К кому апеллировать? Совесть мира усыплена сладкими ядовитыми газами угольной прессы, ее не пробудят даже пушки Шанхая.

Лигу наций никто больше не принимает всерьез. Все действительно ценные предложения там дашат дипломатическими отсрочками. Интеллигенция думает лишь о себе и своим равнодушием только способствует преступной активности политиков. Некогда интернациональный социализм стал в 1914 г. национальным, и таким он и остался. В 1932 г. он будет противиться войне столь же неэнергично, как и в 1914 г.; но он в высшей степени „интернационален“: он служит в каждом государстве только национальной государственной идее. Ни Китай, ни Россия не могут серьезно рассчитывать на настоящую помощь. В лучшем случае — вежливое выражение симпатии и сочувственные фразы, — но не больше.

Пять или шесть десятков независимых культурных людей Европы будут, конечно, протестовать и предостерегать, но разум во время столь глубоких потрясений не имеет никакой силы. Лига наций давно уже не имеет никакого этического или законодательного значения. Это значит: в такой опасный момент нет места обманчивым надеждам, нужна продуманная, холодная и энергичная решимость. Особенно потому, что *преступная группа из-за своих частных затруднений хочет найти спасение в общей войне.* Россия не должна служить отдушиной. Поэтому, прежде всего, не давать повода к войне. Лучше терпеть их неловкие и нервные провокации и не лить воды на их мельницу.

Чем выдержанней (при внутренней решимости) ведут себя сейчас Китай и Советский Союз, тем больше они затрудняют выполнение их замысла и разоблачают их неправоту.

Никакой необдуманности, лишь терпение, терпение и терпение! Нужно пережить эту ужасную фазу сумерек, а там, хотя и медленно, начнут собираться вокруг нас рассеявшиеся активные силы, чтобы преградить дорогу этим мародерам человечества,

их преступному походу, их отчаянному бегству из частных финансовых затруднений в общую войну».

«Избегайте военных ловушек империалистов, предоставьте капитализм его гибели, стройте социализм,— будущее принадлежит вам», — писал в том же духе Э. Синклер (ср. стр. 474 настоящ. тома).

«Я по-прежнему считаю, что всякое военное столкновение между двумя странами заслуживает осуждения и враждебно культуре, — писал О. М. Граф.— Военные столкновения, однако, никогда не вызываются народами, а исключительно их правительствами. Я и сейчас в вопросе о японо-китайском конфликте всецело придерживаюсь того мнения, которое я высказал и раньше, а именно, что „в первую очередь необходимо заклеить нападающих как подлинных преступников, отказать им во всякой поддержке и всемерно помогать обороняющейся стороне“.

Сейчас ответ совершенно ясен: Япония, олицетворяющая собой бессовестный империализм, действовала преступно <...>

Готовится страшнейшее преступление: империализм и капитализм хотят сорвать строительство и мирное развитие Советского Союза. Они хотят уничтожить достижения подлинного прогресса. Нет сомнения, что подобная война будет направлена против классово сознательного пролетариата всего мира. Нет сомнения, что в случае победы империалистических держав над Советским Союзом во всех странах воцарится жесточайшая реакция против социализма. Установится кровавый режим, который отдаст в руки палачей даже самых безобидных демократов. Весь мир был бы отброшен в средневековье!

Для того, кто это продумает до конца, остается лишь один путь — путь борьбы плечом к плечу с пролетариатом всего мира за Советский Союз, за угнетаемый Китай. Совесть каждого социально мыслящего человека, каждого передового человека под сказывает ему лишь одно — беспощадную борьбу с империалистическими преступлениями».

Э. Вайнерт писал в своем ответе:

«Военное наступление Японии на Дальнем Востоке, ставящее себе целью воспрепятствовать созданию Советского Китая и превратить китайский пролетариат в объект колониальной эксплуатации, является в то же время первым выступлением империалистического мира против дальневосточных республик Советского Союза.

Не случайно, что в то же время в европейских империалистических странах создается военный психоз и политика правительств определенно направляется на подготовку войны. В Германии фашисты уже открыто предлагают свои услуги зарубежным организаторам войны в качестве союзников для борьбы с большевизмом <...>

Каковы наши задачи? Прежде всего — неустанно разяснять истину заблуждающимся и обманутым массам, частично уже зараженным военным психозом. Неустанно разоблачать, всеми публицистическими средствами, темные махинации зачинщиков войны.

Но если преступникам удастся заразить народ военным настроением, если раздается сигнал к наступлению, для нас остается один выход — стать в ряды единого фронта классово сознательного пролетариата, объявить войну войне и ее зачинщикам, чтобы при первом же столкновении буржуазная война превратилась в войну за Советский Союз».

«Мы, рабкоры, как и десятки тысяч гамбургских рабочих, в случае империалистического военного похода на Советский Союз, готовы защищать его до последней капли крови, — писал В. Бредель.— Мы, рабкоры и пролетарские писатели, уже доказали, что на практике боремся с опасностями империалистической войны и мобилизуем трудящиеся массы на революционную борьбу, разоблачая тайную перевозку оружия в Азию. Мы, рабкоры, и, в частности, пролетарские писатели, клянемся, что сменим перо на винтовку для защиты СССР». (Полный текст ответа Бределя публикуется на стр. 145—146 настоящего тома.)

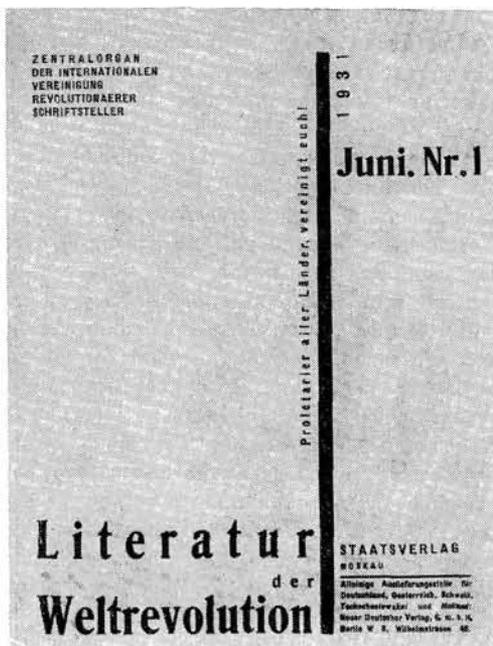
И. Ольбрахт заявил в своем ответе:

«Я думаю, что наша элементарнейшая обязанность — борьба против всякой интервенции, направленной против СССР, борьба против всякой вещественной или мо-

«ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ», 1931, № 1 (июнь)

Немецкое издание

Титульный лист

ральной помощи наших государств врагам СССР. Наша обязанность — отражать нападение против СССР и ложь, распространяемую о нем, правильно разъяснять массам подлинный смысл событий, и, если бы настал момент, когда данное государство направит свое оружие против СССР, призывать массы к открытой борьбе. Что касается японской провокации на Востоке, я считаю, что Союз революционных писателей должен выступить активно».

Значительным сдвигом влево и отходом от прежних чисто пацифистских позиций отмечено высказывание Ш. Андерсона:

«Я получил вашу радиограмму о наступлении Японии на Китай. Я считаю, что японцы усвоили эту манеру у других империалистических стран. Это старая история, и она, я уверен, будет продолжаться все время, пока золото правит миром. Я только надеюсь, что империалистическое правительство Японии опротивеет своему народу и в результате наступления на Китай существование подобных империалистических правительств в других странах станет нетерпимо».

Фр. Вольф сообщал из Берлина, что полученную от МОРПА телеграмму о нападении Японии на Китай он прочитал десяти тысячам «красных спортсменов», собравшихся в самом большом берлинском зале. Они дали торжественное обещание всеми силами защищать Советский Союз — их политическое отечество — в минуту опасности». Э. Толлер выразил убеждение, что «тот, кто борется за Советскую Россию, борется за мир». У. Фрэнк заверил МОРПА в своей «преданности и бдительности». Берта Ласк заявила: «Словом и делом, пером и оружием до последней капли крови на защиту Советского Союза». В том же духе выдержаны ответы Э. Кара и В. Кани из Чехословакии, американцев В. Ф. Калвертона и Ф. Делла. Резолюции Клубов Джона Рида из разных городов Америки подтверждали решение их членов всеми доступными средствами бороться с военными планами капиталистов, направленными против СССР. Отозвались на обращение Союз пролетарских и революционных писателей Австрии, американский клуб «Мятежных поэтов» (Миссури), голландские литературные организации и отдельные писатели, а также революционные художники Кете Кольвиц и У. Гроппер.

С подчеркнутой и красноречивой уклончивостью ответил на вопрос МОРПА Дж. Голсуорси (его ответ появился в «Литературе мировой революции» уже после смерти писателя и был обведен траурной рамкой):

«Я получил вашу телеграмму только здесь и, к сожалению, *ничего не знаю о „бес-совестной провокации империалистов“*, которая (по вашим словам) доказывает, что империалисты готовы наступить на СССР. Я бы сказал, что никто, по крайней мере в Англии, и не думает об этом наступлении.

Что касается Китая и Японии, я и не пытаюсь понять создавшееся там положение; оно очень сложно и к тому же меняется с каждым днем.

Во всяком случае, *я не политический деятель*, и мое мнение в вопросах политики никакой цены не имеет. Поверьте мне, искренне ваш Джон Г о л с у о р с и.

«Маститый английский писатель, председатель Пен-клубов, Джон Голсуорси, заявивший два года назад, что „всякое наступление со стороны всякого — демократического или монархического — государства вызовет недовольство всех верящих в пакт Келлога“, — на сей раз не заикнулся даже о пакте Келлога, отдавая себе отчет в том, что такое заявление звучало бы сегодня слишком юмористично, — по этому поводу редакция „Литературы мировой революции“. — Г-н Голсуорси предпочитает заверять, что „ничего не знает“ о готовящейся войне и что все это выдумка. Что же касается нападения японского империализма на Китай, то оно, оказывается, отнюдь не вызывает недовольства г-на Голсуорси, как человека, „верящего в пакт Келлога“. Он вообще „не пытается понять создавшееся там положение“, ибо он..., не политический деятель”, и к тому же положение там „очень сложно“. Ответ г-на Голсуорси показателен сам по себе, как наглядная иллюстрация, чего стоят на практике заявления всех джентльменов, „верящих в пакт Келлога“*.

Под заголовком «Советские писатели — зарубежным друзьям страны строящегося социализма» редакция журнала вслед за приведенными выше высказываниями напечатала ряд выступлений видных деятелей советской литературы.

«...СССР — реальный символ той истинной человечности, к которой каждый из нас стремился, — заявил в своем обращении к западным писателям Л. Леонов. — Молчать нельзя, и в эту решительную минуту мы только призываем вас вспомнить, что кушили вы на кровь, пролитую в последней войне...»

«Писатели Запада, лучшие представители западной интеллигенции, друзья СССР, мы должны услышать ваш голос в нашу защиту, — писала Вера Инбер. — Вы должны вместе с нами сказать свое слово в защиту СССР и драться в наших рядах за социалистическое отечество трудящихся всего мира».

И. Катаев писал: «Пусть же теперь, в эти тревожные недели и месяцы, лучшие люди Запада, учителя и певцы народов, противопоставят вновь надвинувшейся войне не только картину биологического ужаса насильственной смерти, не только гневный протест от лица общечеловеческой культуры, но и политическое оружие конкретного расследования, изобличения, пропаганды...»

«Я обращаюсь ко всем честным, трудящимся, здравомыслящим людям, — восклицал В. Катаев. — Не дайте себя обмануть! Не верьте успокоительным сообщениям продажной прессы! Учитесь читать между строк! <...> Война началась. От вас самих зависит предотвратить ее. Еще не поздно!»

«... Голос Ромена Роллана не должен быть одиноким <...>, — писала Лидия Сейфуллина. — СССР как отечество трудящихся всего мира в самозащите найдет поддержку в пролетариате каждой страны, капиталисты которой направят на нас смертоносные орудия...»

«Ту часть передовой интеллигенции, которая сегодня же вместе с нами не скажет: „На защиту трудящихся! На борьбу с военной опасностью!“ <...> — эту интеллигенцию логика истории скоро оставит в невиданном позорном провале», — отмечал В. Лидин.

«Быть с нами — это значит организованно противодействовать войне <...>, — заявил Н. Огнев. — Потому что только на нашем пути — выход из всех тушиков, созданных капиталом в дикой, предсмертной агонии».

С аналогичными высказываниями выступили П. Слетов, К. Зелинский, Л. Никулин. Выступление И. Сельвинского было написано в стихотворной форме и назы-

* Несомненно, эта заметка была написана и набрана еще до получения известия о смерти Голсуорси. — Л. Л.

валось «О текущем моменте». Н. Асеев вместо ответа прислал небольшой очерк «Эпизод» из времен интервенции во Владивостоке.

В том же номере «Литературы мировой революции» К. Зелинский и П. Павленко опубликовали открытое письмо к Дж. Дос Пассосу, не отозвавшемуся на анкету МОРПа. «...Мы считаем вас своим другом, — писали они, — то есть другом нашего дела. И мы хотели бы, чтобы вы выступили сейчас в печати, наравне с Роменом Ролланом, против новой тактики империализма, затевающего с Востока новую мировую войну, затевающего нападение на СССР. Нам интересно было бы также продолжать с вами и творческие споры...»

Пятая книжка журнала открылась публикацией постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций — постановления, вносившего коренные изменения в литературно-политическую концепцию МОРПа. Редакция «Литературы мировой революции», очевидно находясь в состоянии крайней растерянности, сопроводила текст постановления лишь кратким примечанием, указав, что «настоящий документ исторической важности» обсуждался 17 мая на собрании актива МОРПа и что соответствующие выводы будут опубликованы в следующей, шестой книжке журнала.

Но ни в шестой, ни в седьмой-восьмой книжках читатели не нашли ничего похожего на декларацию о новых установках МОРПа и его главного органа. Только в сдвоенном 9-10 номере журнала, появившемся в конце года, на обороте обложки было напечатано следующее извещение «От редакции»:

«Ввиду реорганизации МОРПа и перепланировки его работы, произошел также коренной пересмотр портфеля и планов журнала „Литература мировой революции“, что отразилось неблагоприятно на своевременном выходе номеров.

Поэтому редакция вынуждена заключить 1932 г. выпускаемым 9-10 номером журнала.

В 1933 г. журнал „Литература мировой революции“ будет выходить как на русском, так и на иностранных языках под названием „Интернациональная литература“.

Характерно, что под этим сообщением об изменении с нового года названия журнала, на той же странице, было напечатано объявление об открытии подписки на журнал... «Литература мировой революции».

В отделе «Международная хроника» того же номера сообщалось:

«МОРП перестраивает свою работу. Эта перестройка должна найти выражение в расширении актива МОРПа, укреплении живых интернациональных связей писателей различных стран, в новых, живых массовых формах работы...»

В последней книжке журнала «Литература мировой революции» напечатан ряд интересных откликов западноевропейских писателей на пятнадцатую годовщину Октябрьской революции.

Открылась эта подборка письмом Р. Роллана (оно публикуется по автографу и в более полном виде, чем в журнале, на стр. 286—289 настоящ. тома).

«Я считаю Октябрьскую революцию одним из величайших событий истории, — писал в МОРП Г. Уэллс. — Она коренным образом изменила идеологию всего мира; все выпущенные романы, пьесы, публицистические и исторические труды написаны под ее влиянием. Ее влияние гораздо глубже и шире, чем влияние первой французской революции (единственной из всех революций во Франции, имеющей значение).

Однако Октябрьскую революцию нельзя считать ни конечной мировой революцией, ни созидательным возрождением человечества; оно еще впереди. Оно возникает из Атлантических цивилизаций и не потребует ни руководства, ни контроля со стороны России, а только ее дружеского отношения. Перед Россией стоят свои громадные проблемы, которые ей нужно разрешить, чтобы стать достойной ее роли в деле конечного единения всего мира».

Э. Синклер назвал в своем письме, обращенном в МОРП, «первое рабочее правительство величайшим явлением в истории человечества».

С письмом, имеющим автобиографический характер, обратился в МОРП М. Голд (оно публикуется в полном виде на стр. 478—479).

Б. Шоу в своем ответе — несмотря на серьезность затрагиваемой проблемы — не мог отказаться от своей обычной парадоксальной (а в данном случае — ультра-парадоксальной) манеры и написал в МОРП:

«Октябрьская революция не повлияла на мое литературное творчество. Мое литературное творчество повлияло на Октябрьскую революцию».

В течение 1932 г. «Литература мировой революции» напечатала ряд крупных статей, посвященных деятельности отдельных зарубежных писателей, а также национальным литературам. Отметим среди них статью Т. Мотылевой о германском пролетарском романе, Г. Лукача о Б. Шоу (№ 1); Ст. Р. Станде о литературных взглядах Р. Люксембург (№ 2); Е. Гальпериной об Э. Глезере, Я. Матейки об Э. Мадарасе, Ф. Кельяна об итогах литературной дискуссии в Испании (№ 4); Б. Пранкуса о литературе современной Латвии (№ 5); К. Крейбиха о Я. Гашеке, М. Скачкова о В. Кане (№ 6); Э. Машича о революционном литературном движении в Хорватии (№ 7-8); А. В. Луначарского о Г. Гауптмане, Л. Филатовой о Л. Хьюзе (№ 9-10). Обзорная статья Елистратовой о «New Masses» (№ 2) ставила резко вопрос о необходимости преодоления «последних пережитков отставания» американского журнала «на политико-теоретическом фронте».

Значительную часть отдела «На литературных постах» в мартовском номере занимают писательские отклики на события в американском горняцком городке Харлане (штат Кентукки), где на попытку шахтеров создать профессиональный союз местные власти ответили жесточайшими репрессиями. «Взоры всей страны сосредоточились на этом местечке. Оно превратилось в кровотокающую, безобразную рану, — писал Ш. Андерсон. — Там избивали рабочих, бросали женщин в тюрьму, терроризировали американских граждан и газетных сотрудников, пытавшихся расследовать дело, расстреливали и терроризировали».

Указывая, что Драйзер и его единомышленники решились отправиться в этот мрачный край, чтобы изучить положение на месте, Андерсон продолжал:

«Мы — страна тайных кабаков, тайных разговоров <...> У Драйзера и у этих других людей хватило мужества и дерзания поехать в Кентукки, где царит, по-видимому, разгул террора. Они поехали туда открыто и после того, как другие отказались ехать...» «Драйзер устоял <...>, — пишет Андерсон, — против подкупа американских писателей деньгами, обещаниями высокого общественного положения, всеми утонченными обещаниями, которые даются таким людям. Он был первый неподкупно честный американский писатель-прозаик».

Далее редакция напечатала доклад Драйзера «Индивидуализм и джунгли», прочитанный в Нью-Йорке 15 декабря 1931 г. В этом докладе писатель обобщил свои жизненные наблюдения, в частности те, которые столь щедро предоставила ему поездка в Харлан:

«В Америке, как и во всем мире и на протяжении всей истории, мы позволили отдельным личностям, наделенным исключительной силой, сноровкой или жадностью, вооружиться, то есть, другими словами, распространить и умножить свои естественные силы <...> Правительство превратилось просто в одно из орудий этой центральной группы личностей, которая сейчас обращает все его действия исключительно на свою личную пользу». Американский гражданин в большинстве случаев «лишен крова, работы, приличной одежды, обуви и еды...» Его вера в индивидуализм, как панацею от всех зол, привела к тому, что он дремал, в то время как его собратия-индивидуалисты, обладающие большей жадностью и сноровкой, «захватили его богатства, церковь, печать, суды, судей, законодательные органы, полицию и все его когда-то общепризнанные конституционные права; сегодня он буквально страшится собственной тени. Он больше не может открыто заявить, что недоволен своим правительством и с ним не согласен; он не может больше организовать союзы, которые не были бы подчинены тем самым личностям, от экономического давления которых он стремится избавиться».

Американский гражданин не может обратиться к церкви потому, что она не желает внимать его экономическим бедам здесь, на земле; она указывает ему на грядущий рай <...> Гражданин не может также обратиться к прессе, потому что пресса <...> слу-

«В БОЙ ПРОТИВ УГРОЗЫ
МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕ-
СКОЙ ВОЙНЫ»

Обращение МОРПа ко всем
революционным писателям мира
«Литература мировой революции»,
1932, № 4

**В бой против угрозы
мировой империалистической войны**

ко всем революционным писателям мира

В Китае бушует война. Целые города сжаты в асфальт, жизни десятков тысяч женщин и детей, десятков тысяч солдат принесены в жертву империализму. На Дальнем Востоке грозы войны уже бушуют и грозят захватить весь мир. Лживость империалистических держав разоблачена до конца. Бесчестные мирные конгрессы и конференции по разоружению безудержно подготавливают новую мировую войну.

Неоспоримой истинкой стало то, что социал-демократия всего мира, под маской пацифизма, не покладая рук, работает на новую войну, что все благие намерения даже искренне заблуждающихся пацифистов оказались, бессильными остановить эти кровавые события. Целый ряд фактов доказывает, что война в Китае — лишь пролог к невиданной, ужаснейшей и гнуснейшей войне, какую когда-либо знала история — к войне против Союза Советских Социалистических Республик. Кризис в капиталистических странах и параллель с этим невиданные успехи социалистического строительства, гигантскими шагами приближающее создание социалистического бесклассового общества, — вот что толкает империализм на их кровавые подвиги.

Не первый уже год ситмилируем мы опасность этой войны, не раз уже звали мы вас не только протестовать против подготовки новой войны, но и быть готовыми активно воспрепятствовать готовящейся войне. Мы указывали на то, что во всем мире социал-демократы клеветнически обрабатывают сознание масс в духе этой войны, мы неистово повторяли раз говорили, что всякий, кто сомневался в подготовке новой войны, кто выстает помешать нашей борьбе против военной опасности, сам — сознательно или несознательно — является поддлинным врагом и пособником империалистов.

И вот настал час, когда начинают осуществляться планы империалистов и военных промисловиков всех стран, их генералов и социал-демократов. В этот грозный ответственный час мы зовем вас к действию. Вам долг — всеми вам доступными средствами мобилизовать массы рабочих и трудовой интеллигенции, чтобы воспрепятствовать уже задуманной и уже выкатываемой войне. Если вы не хотите быть запятанной соучастием, разбавляете подстрекателей войны — фашистов и социал-фашистов, разбавляете слепые бессилье и сознательное лицемерие пацифистов всех мастей. Нельзя терять ни минуты! Война стала фактом, война уже идет, и если вы немедленно мобилизуете все силы, не возьметесь за работу, если вы не сумеете мобилизовать широкие трудящиеся массы против войны, — половина земного шара превратится в ближайшее время в театр военных действий.

Пролетарият и трудовая интеллигенция всех стран должны, не теряя ни секунды, встать за дело! Мы зовем вас на борьбу и убеждены, что ролик всех трудящихся может рассчитывать на нас.

В бой, товарищи!

В бой против мировой империалистической войны, против всех поддлинных врагов!

Против кровожадных японских империалистов!
На защиту Китая, на отозвание из Китая империалистической вооруженной интервенции!

Международное объединение революционных писателей

жит не ему, а его господам <...> Над ним, над рабочим, измываются, в периоды волнений и борьбы его поносят как вечно недовольного, как смутьяна, как нежелательного гражданина, человека, не имеющего права жаловаться на окружающее зло. Рабочий, загнанный в большинстве случаев в загон, называемый городом, находится <...> под неослабным надзором шпииков и агентов огромного союза капиталистов. Его осаждают настоящие армии торгашей, нанятых обожаемыми им выдающимися личностями, чтобы запугать и подавить его. Рабочего увольняют, он умирает с голоду, его заносят в списки неблагонадежных и, если он бастует, его убивают».

«...Почему же чудовищный хищный индивидуализм здесь, в Америке, действующий во славу каприза и комфорта нескольких и унижающий и оскверняющий большинство, не может быть полностью ликвидирован?» — заключает свой доклад американский писатель-гражданин.

Подборка завершалась статьей Э. Синклера «Перманентный кризис» — о положении в капиталистическом мире. Синклер противопоставил изживающему себя общественному строю бурно развивающийся социалистический Союз Советских Республик.

В 9-10 книжке журнала была напечатана итоговая статья Мельвина Леви на ту же тему: «Классовая борьба в Кентукки».

Публикуя бичующую статью Ж. Геэнно «Интеллигенция и разоружение. — Открытое письмо господам членам „Постоянного комитета по делам литературы и искусства при Лиге наций“» (рукопись ее переслал секретариату МОРПа еще до публикации в «Еугоре» Р. Роллан), редакция сопроводила ее следующим примечанием: «Приводим это письмо полностью как характерный документ антивоенных настроений части французской радикально настроенной интеллигенции и как едкий памфлет на „интеллектуальное международное сотрудничество“ в том виде, в каком оно осуществляется под флагом Лиги наций...» (№ 4).

Вопросам искусства в «Литературе мировой революции» 1932 г. было посвящено несколько крупных статей. Отметим среди них выступление Дж. Фримена «Живопись и политика» (с резкими нападками на Диего Ривера; № 3) и О. Биха «Революционный театр в Германии» (№ 5).

Из очерков и репортажей на разные темы, напечатанных в 1932 г. на страницах журнала, назовем «Черную лавину» Ю. Фучика (№ 6), «По стопам безработицы» Ж. Садуля (№ 7-8), «Красные негры Чикаго» М. Голда и «Урал» Й. Ласта (№ 9-10).

Отдел «Международная хроника» «Литературы мировой революции» 1932 г. также отличался богатством материала. Подавляющее большинство напечатанных в этом отделе заметок посвящено деятельности прогрессивных культурных организаций и периодической печати за рубежом. В частности здесь подробно освещается работа Ассоциации революционных писателей и художников Франции, Союза пролетарско-революционных писателей Германии, Всеяпонской федерации пролетарской культуры, Лиги левых писателей Китая, Нидерландского союза революционных работников и писателей «Линксрихтен», работа Клубов Джона Рида, приводятся отклики западной прессы на литературную жизнь СССР и т. д.

В отделе «Документы литературы и культуры» (№ 9-10) редакция перепечатала из журнала «New Masses» под заголовком «Как мы пришли к коммунизму» ответы на этот вопрос американских писателей У. Фрэнка, К. Федимена, Г. Хикса, Ш. Андерсона, Э. Вилсона, М. Голда и Э. Синклера. Многие из приведенных здесь высказываний сохранили интерес и для нашего времени.

Советская и зарубежная печать торжественно отметили в 1932 г. 40-летие творческой деятельности А. М. Горького. «Литература мировой революции» напечатала в связи с этим событием статью П. Вайяна-Кутюрье «Юбилей Максима Горького».

«Общество революционных писателей и художников в день юбилея Горького свидетельствует ему признательность всех трудящихся за то, что он указал путь истинной культуры, — писал Вайян-Кутюрье. — Горький олицетворяет тип писателя нового времени, для которого писать — значит сражаться; тип писателя, вышедшего из рядов пролетариата. В борьбе выковывает он свое блестящее оружие — стиль и никогда не жертвует содержанием ради формы» (№ 9-10).

В том же номере были напечатан ряд высказываний о Горьком, присланных видными западноевропейскими писателями — Б. Брехтом, О. Гельштедом, Римштедом, Э. Томассеном, Х. Кирком и Т. Кристенсеном. Возможно, что редакция не ограничилась бы публикацией этих высказываний. Но сдвоенная девятая-десятая книжка журнала, в которой они были напечатаны, оказалась последней...

Иноязычные издания журнала выходили в 1932 г. под обновленным названием — «Интернациональная литература» («Internationale Literatur», «International Literature»). В течение года было выпущено пять номеров немецкого (№ 2-3 сдвоенный) и три номера английского (№ 2-3 сдвоенный). Французское издание, вероятно, совсем не выходило в свет — до сих пор нам не удалось разыскать ни одного номера за 1932 г. (оно осталось незарегистрированным и Всесоюзной книжной палатой). Следует, однако, указать, что в редакционных объявлениях о подписке на иноязычные издания французский журнал фигурировал, наряду с английским и немецким, в течение всего 1932 г. (см. обложки «Литературы мировой революции»).

Художественный отдел иноязычных изданий в 1932 г. был скуден и маловыразителен. Из произведений западных авторов, не появившихся в русском издании, отметим пьесу А. Гидаша «Земля движется» и стихи И. Р. Бехера. Советская литература была представлена отрывками из «Поднятой целины» М. Шолохова, рассказами и очерками Е. Габриловича, В. Ставского, Н. Тихонова, М. Чумандрина. Публицистический и критический отделы обоих иноязычных выпусков (особенно немецкого) были гораздо богаче: статьи и очерки С. Динамова «Английская лейбористская партия и вопросы культуры», М. Залки «О военной тайне», Г. Лукача «К вопросу о сатире», Ф. Шиллера «Франц Меринг и марксистское литературоведение», Т. Драйзера «Война и Америка» и др.). К статье Б. Иллеша «Путь МОРПа» (№ 4-5 немецкого издания) редакция сделала следующее примечание: «Товарищ Бела Иллеш прислал нам по нашей просьбе письмо, в котором высказал свой взгляд на историю развития МОРПа. Мы публикуем ниже это письмо в виде статьи, изменив его эпистолярную форму».

В том же номере немецкого издания были напечатаны автобиографии И. Бабеля, И. Эренбурга, К. Федина, Анны Караваевой, М. Кольцова, Н. Огнева, Б. Пильняка, Мариэтты Шагинян, Лидии Сейфуллиной, А. Серафимовича, Н. Тихонова и С. Тре-

тьякова. Они, возможно, не учтены еще исследователями, занимающимися жизнью и творчеством этих писателей. В 1933 г. автобиографии эти появились в английском и французском изданиях «Интернациональной литературы».

III

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» (1933—1935)

Сообщение о том, что журнал «Литература мировой революции» с 1933 г. будет называться «Интернациональная литература», подобно иностранным изданиям МОРПа 1932 г., появилось в объявлениях о подписке на новое издание. «В 1933 г. выйдет восемь русских номеров ³⁰ и шесть иностранных (немецкий, английский, французский), — указывалось в «Дневнике секретариата МОРПа» (первая книжка журнала). — В русском номере будут печататься наиболее характерные произведения иностранных революционных писателей, стоящих на платформе защиты Советского Союза, борющихся с подготовкой войн и интервенции. Будут также помещены произведения мировых писателей, не связанных с революционной литературой, если эти произведения имеют исключительное художественное значение. Журнал будет также знакомить читателей с литературной деятельностью врагов».

«В немецком, французском и английском изданиях, — говорилось далее, — будут печататься, в первую очередь, те произведения революционных писателей данной национальности, которые не могли быть изданы у себя на родине из-за цензурных или иных условий, а также *выдающиеся* произведения революционных писателей других национальностей. „Интернациональная литература“ ставит своей задачей ознакомление широких кругов западной интеллигенции с литературой, искусством и культурой СССР. Кроме того, журналы ведут критический разбор современной западной литературы, развернутую борьбу с фашистской и социал-фашистской литературой и т. д. Особое место будет занимать отдел „Жизнь Страны Советов“, знакомящий читателя с социалистическим строительством и достижениями СССР».

Большое значение редакции придают литературной и культурной хронике. В отделе „Документы и факты“ будет даваться хроника литературной жизни, переписка с писателями, высказывания писателей о своей работе и методах творчества, автобиографии писателей».

Редакция «Интернациональной литературы» довольно близко придерживалась этой программы, отличавшейся, как мы видим, широтой, разносторонностью и стремлением преодолеть те сектантские предубеждения, которые свойственны были двум предшествовавшим журналам. Это был, разумеется, прямой результат постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.

Ответственным редактором русского и всех иностранных изданий был назначен С. Динамов. Его заместителем — Ст. Людкевич. Редактором русского издания являлся С. Третьяков, французского — П. Вайян-Кутюрье, немецкого — Г. Гюнтер (а затем И. Р. Бехер), английского — С. Динамов. В состав редколлегии входили: И. Анисимов, Б. Волин, Я. Висляк (Гемпель), А. Гидаш, Г. Гюнтер, П. Дитрих, Дж. Джермапетто, Б. Иллеш, П. Вайян-Кутюрье, И. Микитенко, Н. Огнев, Эми Сяо, С. Третьяков и А. Фадеев.

Международный редакционный совет составляли: М. Андерсен-Нексё, А. Барбюс, И. Р. Бехер, Э. Глезер (выбыл к концу года), М. Голд, М. Горький, А. Луначарский, Лу Синь, А. Магил, Го Мо-жо, Дж. Дос Пассос, Л. Ренн, Р. Роллан, А. Серафимович, Э. Синклер, Токунага Наоиси и Э. Вайнерт.

На обороте обложки первого номера журнала, вышедшего в более скромном и «старомодном» оформлении, чем «Литература мировой революции», было напечатано:

«ИЛ на русском языке — единственный журнал, целиком посвященный иностранной литературе и смежным с нею видам искусства».

ИЛ дает наиболее выдающиеся произведения иностранных революционных писателей, в особенности если они не имеют возможности быть напечатанными за рубежом.

ИЛ также дает место отдельным произведениям буржуазных писателей, имеющим исключительное художественное значение (<...>)

ИЛ бдительно следит за враждебной нам литературой, в частности эмигрантской, разоблачая ее классовое лицо, замыслы и методы действия.

ИЛ привлекает к своей работе лучших переводчиков и борется за высокую культуру перевода.

ИЛ в критическом отделе помещает статьи и обзоры виднейших советских и иностранных критиков и искусствоведов.

ИЛ держит советского читателя в курсе литературных новинок и выдающихся событий в области литературы и искусства за границей, располагая кадрами корреспондентов в большинстве стран.

ИЛ иллюстрируется фото, рисунками выдающихся художников».

В «Вестнике иностранной литературы» и в «Литературе мировой революции» даже самые объемистые произведения зарубежных авторов печатались преимущественно в полном виде. Редакция «Интернациональной литературы» с первого же номера радикальнейшим образом изменила эту практику. В течение всего 1933 г. ни один роман не появился на страницах журнала целиком, а только в виде более или менее крупных фрагментов. Такого рода публикации, разумеется, не могли заменить полного текста произведений, но благодаря выигрышу в месте редакция получила возможность представлять читателям большее число новинок прогрессивной художественной литературы, развертывая обширную панораму литературной жизни 1930-х годов. Этим принципом «Интернациональная литература», впрочем, несколько злоупотребляла, придавая отдельным номерам журнала вид своеобразных хрестоматий. Так, в одной лишь четвертой книжке журнала появились фрагменты романов и пьес: «Смерть одного мира» («Очарованная душа») Р. Роллана, «Путешествие на край ночи» Л. Ф. Селина, «Условия человеческого существования» А. Мальро, «Сибилла» Ж. Р. Блока, «Очертя голову» Л. Муссинака, «Семь красных воскресений» Р. Х. Сендера, «Возобновление» Дж. Джерманетто, «Фонтамара» И. Силоне, «Двадцать два года в тюрьмах» Л. Капани, «Мединетки, мои товарки» Дины Сералья (Франка), глава из романа Х. Ардерюса, сцена из пьесы Дж. Джерманетто, а также отрывки из «Дневника» А. Жюльетты. В других номерах журнала того же года мы находим фрагменты из книг С. М. Арконады, А. Барбюса, Ф. Вольфа, Э. Глезера, Г. Манна, Х. Мансисидора, Р. Олдингтона, И. Ольбрахта, Э. Оттвальта, Т. Пливье, Э. М. Ремарка, Л. Ренна, Г. Фаллады, Ст. Цвейга и др.³¹

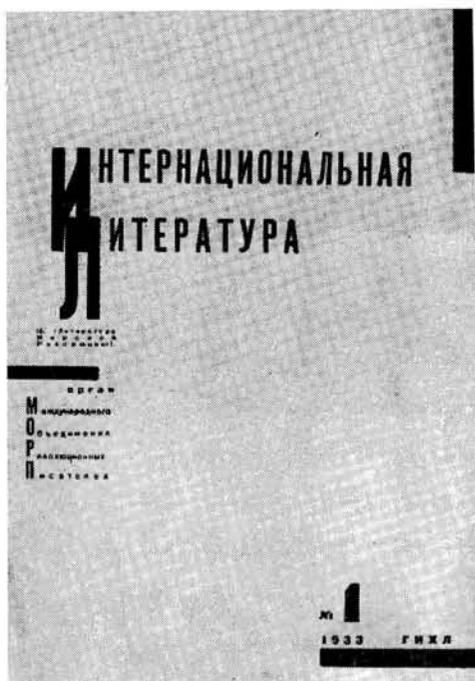
Пятую книжку журнала редакция почти целиком посвятила литературе США. «Можно с полной уверенностью сказать, — указывалось в предисловии к этой книжке, — что ни в одной стране мира нет такого огромного интереса к литературе Америки, как в СССР (<...>). Посвящая этот номер журнала „Интернациональная литература“ целиком современной американской литературе, мы шли навстречу именно интересам наших читателей».

В этой книжке были напечатаны стихотворения, рассказы, очерки, пьесы и отрывки из романов Т. Драйзера, С. Льюиса, Дж. Конроя, Гр. Лампкина, Л. Хьюза, Дж. Дос Пассоса, Джозефины Хербст, Р. Крудена, Агнес Смедли, Ю. О'Нейла и др.³² Здесь же была помещена обстоятельная обзорная статья А. Елистратовой «Литература современной Америки», статья Г. Хикса «О союзниках революции в американской литературе», а также очерки и заметки об отдельных американских авторах.

В течение года в «Интернациональной литературе» печатались рассказы, очерки и пьесы Б. Брехта, П. Вайяна-Кутюрье, Э. Глезера, Дж. Дос Пассоса, Б. Шоу и др.³³, а также стихотворения Р. Альберти, Л. Арагона, И. Р. Бехера, Б. Брехта, Э. Вайнера, Е. Гаупмана, В. Ткачика и Л. Хьюза.

Редакция часто сопровождала публикацию новинок иностранной литературы специальными критическими статьями. Так, отрывок из книги Барбюса «Золя» сопровождался статьей А. В. Луначарского «Анри Барбюс об Эмиле Золя» (№ 1); пьеса Дж. Дос Пассоса «Воздух — путь» — статьей Н. Оттена «Дос Пассос в гостях у Чехова», роман Х. Мансисидора «Мятеж» — статьей Ф. Кельина, диссенировка «Матери» Горького — статьей С. Третьякова «Драматург-дидакт» (№ 2); роман

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА»,
1933, № 1
Обложка

Г. Фаллады «Что же дальше?» — статьей Г. Гюнтера, «Мария Антуанетта» Ст. Цвейга — статьей Ц. Фридлянда «Поэт и королева» (№ 3) и пр. Кроме того, в журнале были опубликованы (главным образом в отделе «Теория и критика») отдельные критические работы И. Анисимова, Е. Гальпериной, М. Голда, С. Динамова, Т. Драйзера, Ф. Кельпина, Г. Лукача, Ст. Людкевича, Т. Мотылевой, Труде Рихтер, К. Росси, Ж. Садуля, Л. Филатовой, Я. Фрида.

Под особой рубрикой—«О советской стройке» — были напечатаны в журнале очерки Э. Э. Киша, Л. Арагона и др.

Приход германских фашистов к власти в январе 1933 г. получил широкое отражение на страницах «Интернациональной литературы». Уже со второй книжки, под заголовком «Фашисты наглеют», начала печататься ежедневная хроника событий в Германии; в ней сообщалось о запрещении коммунистических газет, изъятии книг, арестах писателей. В третьей книжке появился очерк И. Р. Бехера о фашистском перевороте — «Звенящий дом», статьи Труде Рихтер «Культурная политика национал-социализма», Г. Гюнтера «Литература германского фашизма и национализма» и беседа с И. Р. Бехером, заявившим сотруднику журнала:

«Германская революционная литература в настоящий момент является громадной силой, насчитывающей в своих рядах прекрасные писательские имена, авторов произведений, известных не только в германских пролетарских и радикально-буржуазных кругах, но имеющих мировое литературно-политическое звучание. Это революционное писательство сейчас являет собой тот революционно-культурный отряд, на который с особым озлоблением обрушиваются удары озверелого германского фашизма».

Здесь же была помещена статья Т. Мотылевой, посвященная роману Анны Зегерс «Товарищи» («Die Gefährten»).

Под заголовком «Фашистское средневековье» редакция опубликовала продолжение ежедневной хроники германских событий, начатой в предыдущей книжке.

В этом же номере был перепечатан из «Arbeiter Zeitung» страстный протест О. М. Графа, озаглавленный «Сожгите меня!». С негодованием сообщая читателям, что его произведения включены в «белый список писателей „новой Германии“» и что все его

РАССТРЕЛ БАСТУЮЩИХ
РАБОЧИХ В МАДРИДЕ

Гравюра Геллоса Гомеца, 1931
«International Literature», 1933, № 4
В журнале подпись (перевод):
«В Мадриде 1931 г.: монахи пустили
в ход пулеметы против рабочих»

книги, за исключением «Мы пленные», *рекомендуются* в фашистской Германии к чтению, Граф писал:

«Выходит, что я призван быть одним из выразителей „нового немецкого духа!“ Ума не приложу — чем заслужил я такое бесчестие. „Третья империя“ изгнала из немецкой литературы почти все ценное, она отвергла подлинное немецкое творчество, заставила большую часть своих самых выдающихся писателей искать приюта на чужбине и лишила их возможности печататься в Германии. Спесивая близорукость писателей, держащих нос по ветру, и безудержный вандализм сегодняшних властителей направлены к тому, чтобы с корнем вырвать из нашей литературы и нашего искусства все то, что имеет мировое значение, и заменить общечеловеческое понятие „немецкое“ тушоголовым национализмом; тем национализмом, который подавляет каждую маломальски революционную мысль, по приказу которого все мои стойкие товарищи подвергаются преследованиям, арестам, пыткам, который убивает их или доводит до самоубийства!

И вот, представители этого варварского национализма, который ровно ничего общего с немецким народом не имеет, осмеливаются считать меня своим, включить меня в свой так называемый белый список, который в глазах всего мира не может быть иным, как только черным списком!

Такого издевательства я не заслужил!

Вся моя жизнь, все мое творчество дает мне право требовать, чтобы мои книги были преданы чистому пламени костра, а не попали в окровавленные руки коричневых банд и не проникли в их прогнившие мозги!

Жгите плоды немецкой творческой мысли! Она неугасима, как ваш позор!»

В ответ на сообщение Центрального правления Союза защиты немецких писателей (Берлин) об исключении О. М. Графа из этого союза за публикацию приведенного выше протеста, писатель обратился к фашиствующему правлению с новым открытым письмом, перепечатанным в «Интернациональной литературе»:

ОТПРАВКА КАТАЛОНСКИХ
ГОРНЯКОВ В ССЫЛКУ

Гравюра Гелиоса Гомеца, 1931

«International Literature», 1933, № 4

В журнале подпись (перевод):
«После забастовки горняков в Ката-
лонии: революционных рабочих
отправляют в ссылку в Африку»

«Скажите-ка, господа, неужели вам не стыдно пускаться на такие трюки, чтобы доказать свою верноподданность нынешним властям? (...) Вы называетесь Союзом для защиты писателей. Кого же вы, собственно, защищаете? Тех, о которых вам верх сообщают, что они, как рекруты, считают хорошим все, что делается в Германии.

Всякого хотя сколько-нибудь свободомыслящего вы помогаете оскорблять!

Я и многие другие, имевшие в Германии имя, считаем для себя честью то, что мы всегда были против безумного Гитлера, и каждый из нас постыдился бы, если бы его терпели в вашем Союзе! С нами все те честные люди, которые находятся в концентрационных лагерях и тюрьмах. С нами все те, которые вынуждены бросить родину из-за своей идеологии.

Может быть, вы предприняли что-нибудь, чтобы защитить этих людей?

Вы пальцем не двинули против позорнейшего сожжения книг, против преследования ваших бывших „коллег“, и теперь вы ползаете перед властью имущими и позволяете унижать себя до мелкого низкого чиновничества. Фу ты чёрт! То, что осталось от Союза германских писателей, это люди, которые счастливы только тогда, когда их понукает деспотизм. Каждый честный писатель сочтет обидой принадлежность к такому Союзу» (№ 4, стр. 183—184).

Под заголовком «Антифа» редакция напечатала в отделе «Хроника» следующих книжек журнала серию отчетов об антифашистских манифестациях в странах Западной Европы.

Большую часть отдела «Хроника» пятой книжки журнала занимала подборка «Писатели против фашизма».

«Приход Гитлера к власти — самое мрачное событие нашей мрачной эпохи (...) Это нож, вонзенный в сердце мировой революции (...), — заявил американский писатель У. Фрэнк. — Пусть германский народ — независимо от того, следует ли он за коммунистическими, социалистическими или либеральными вождями, знает, что взоры рабочих и интеллигенции всего мира обращены сейчас на него. Пусть германский

рабочий знает, что мы, представители других наций, сознаем свою ответственность за ужасную участь германского народа...»

В высказывании Барбюса, «Будем судить судей!», отмечалось:

«Как ни многочисленны и ни велики преступления, совершенные фашистским империализмом, впервые в истории правительство насильников посмело создать столь чудовищную судебную комедию, какой является лейпцигский процесс <...>

Пусть народные массы всего мира, в свою очередь, станут судьями и перед лицом процесса и контрпроцесса, который параллельно чудовищной комедии Гитлера и Геринга организован людьми, обладающими совестью, — пусть они вынесут свой приговор, громко провозгласят его и заставят принять его!».

Ж. Р. Блок писал:

«...Мы возвышаем голос против шайки шакалов, воспользовавшихся этим отчаянием и нищетой, чтобы грабительским путем захватить доверие великого и несчастного народа. Трудно предвидеть, как долго Германия будет вынуждена терпеть их гнусное господство. Пусть немцы знают, что живые силы всего мира сплотились, чтобы помочь им сбросить с себя эту отвратительную тиранию».

«Если Гитлер укрепится у власти, мы окажемся свидетелями еще большей реакции, чем после событий 1848 года <...>, — писал М. Голд. — Объединимся теперь же, чтобы сбросить Гитлера и раздавить его навсегда!».

Кроме «Хроник», в «Интернациональной литературе» регулярно появлялся еще один отдел с несколько более широкой тематикой, озаглавленный «Факты и документы». В нем печатались, в частности, материалы на тему «Как работает писатель», а также автобиографии и биографии зарубежных деятелей литературы³⁴. Гораздо более подробно, чем в «Вестнике иностранной литературы» и в «Литературе мировой революции», сообщалось здесь о работе центральных органов МОРПа и его зарубежных секций, о росте революционного движения на Западе и Востоке, о жизни иностранной интеллигенции, поездках зарубежных литераторов по Советскому Союзу, о судьбах советского искусства за границей.

Из других материалов, появившихся на страницах журнала в 1933 г., следует отметить острую полемику И. Эренбурга с Ф. Ф. Арместо; статьи Ф. Кельина «Советская художественная литература в Испании» (№ 1) и «Революционная литература Испании на подъеме»; К. Росси «Заметки о современной итальянской литературе», А. Филаговой «О современной английской литературе» (№ 4); статью У. Кармона «„New Masses“ — американский революционный журнал» и высказывания А. Мальро о советской литературе.

В первой книжке журнала редакция сообщила, что виднейшим западноевропейским писателям была разослана анкета с вопросом — какое место в их мировоззрении занимает учение Маркса, а также о самом Марксе как «стилистe, полемисте, работнике пера».

Ответы Ст. Цвейга, Я. Вассермана, Кл. Манна, Берты Ласк, Г. Лукача, О. Геллера, А. Гольдшмидта и В. Хааса были опубликованы в следующем номере.

Ст. Цвейг писал в своем ответе: «Творения Маркса сделали следующую проблему центральной проблемой нашего времени. Маркс раз навсегда сделал невозможным для всякого думающего и чувствующего человека закрывать глаза на жгучие вопросы нашего и будущего века — новое уравнение богатства и бедности, более правильное распределение ценностей, права всякого трудящегося на культурное и достойное человека существование».

В начале 1933 г. МОРП объявил международный конкурс на лучшее антифашистское произведение. В первой книжке «Интернациональной литературы» в связи с этим было помещено следующее воззвание:

«...Мы обращаемся к писателям всего мира, к прозаикам, поэтам, драматургам, го-
товым вместе с нами встать на защиту свободы и прогресса человеческого общества от кровавого гнета! Мы призываем всех подлинных передовых писателей, пролетарских писателей и рабкоров! Объединимся для совместной борьбы! Создадим единый революционный фронт литературы! Против войны, против фашизма и милитаризма! Разоблачим пацифистские лживые махинации дипломатов, реформистов и фашистов,

**ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКЕ
НА ИНОСТРАННЫЕ ИЗДАНИЯ
«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ»**

Русское издание журнала, 1933, № 1

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1933 г.**

на иностранные издания ц.о. морпа

Internationale Literatur

International Literature

La Littérature internationale

**на немецком, английском
и французском языках**

**иностранные издания будут выходить раз
в 2 месяца**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Издательством иностранных ра-
бочих, Москва, Центр, Ул. 25 Октября (б. Нинельская), 7 и в
всех газетных бюро «Боклечки».

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на немецкое издание в год—3 р., 6 ш.—
4 р. 50 ш., на англ. или франц. издания в год—7 р. 50 ш., 6 ш.—
3 р. 75 ш.

попов и газетных писаек, покажем их подлинное лицо: это же союзники военных про-
мышленников, генералов и шовинистов всех стран!

Поможем трудящимся массам осознать свою собственную силу, покажем борьбу
пролетариата против империализма, войны и варварства!

Расскажем об исторической роли Советского Союза и его смелой политике мира!
Расскажем о Красной Армии и ее значении для мира и строительства! Примите уча-
стие в нашем конкурсе!

«Война войне художественным словом!»

О результатах конкурса объявлено было в первой книжке журнала за 1934 г.,
в статье М. Каханы, озаглавленной «Мобилизация литературных сил против войны
и фашизма». На конкурс поступило сто девяносто два произведения от ста восьми ав-
торов. Большая часть произведений была прислана эмигрантами-антифашистами.
За немногими исключениями — все участники конкурса были начинающими писа-
телями. Премии получили И. Р. Бехер, Клара Блюм, К. Фридрих, И. Бартценна,
А. Комьят и др.

В 1933 г. «Интернациональная литература» выходила на трех иностранных язы-
ках — английском, немецком и французском. Преобладающее место в этих изданиях
занимали отрывки из романов, пьес, рассказы и очерки советских писателей —
А. Авдеенко («Я люблю»), И. Бабеля, А. Безыменского, Е. Габриловича, Вс. Иванова,
Л. Кассиля, С. Кирсанова, М. Кольцова, Б. Лавреница, Л. Леонова, Вл. Маяков-
ского, Л. Никулина, Н. Огнева, П. Павленко, Н. Погодина («Мой друг»), Ф. Пан-
ферова, К. Паустовского («Карабуга»), Б. Пильняка («О'кей»), П. Романова, Г. Се-
ребряковой («Юность Маркса»), Л. Соболева, В. Стаского, Н. Тихонова, А. Толсто-
го, С. Третьякова («Рычи, Китай!»), А. Фадеева («Последний из удеге»), Р. Фраермана,
М. Чумандрина, Мариэтты Шагинян, М. Шолохова («Поднятая целина»), И. Эренбур-
га и др., а также критические и публицистические статьи А. М. Горького, А. В. Луна-
чарского, И. Анисимова, В. Гоффеншефера, С. Динамова, А. Елистратовой, В. Кир-
потина, М. Лифшица, Ф. Шиллера и др. Этот обширный перечень наглядно свидетель-
ствует о том, насколько усилилась роль советской литературы в содержании иноязыч-
ных журналов, каждый из которых приобрел свой оригинальный облик: только
отдельные произведения перечисленных выше авторов дублировались в парал-
лельных изданиях.

Из зарубежных писателей в иноязычных изданиях 1933 г. печатались Р. Аль-
берти, Ш. Андерсон, Л. Арагон, И. Р. Бехер, Б. Брехт, П. Вайян-Кутюрье, Э. Вайнерт,

Э. Глезер, М. Голд, Дж. Дос Пассос, Т. Драйзер, Б. Иллеш, Э. Э. Киш, Дж. Конрой, Г. Лукач, Л. Муссиак, Т. Пливье, Р. Роллан, Агнес Смедли, Г. Хезлоп, Л. Хьюз и др.

Весь второй номер немецкого издания 1933 г. был посвящен Карлу Марксу (в связи пятидесятилетием со дня смерти основоположника научного коммунизма). Здесь, помимо статей и обзоров, были напечатаны ответы писателей и художников на анкету о Марксе (Э. Баш, М. Буйе, П. Элюар, А. Гольдшмидт, К. Грюнберг, В. Хаас, М. Гаусман, О. Геллер, Г. Гушперг, Берта Ласк, Г. Лукач, Кл. Манн, Я. Вассерман, В. Цайдлер, Ст. Цвейг и др.).

Поэт П. Элюар писал в своем ответе: «Рожденные в первых столкновениях возвышающейся буржуазии и нарождающегося пролетариата, с одной стороны, и на гегелианской диалектике, — с другой, труды Маркса являлись оружием при всех попытках пролетарской освободительной борьбы и до сих пор не утратили своей силы. Я впервые открыл для себя Маркса только благодаря Ленину; благодаря Ленину впервые я постиг ту силу, которая заставляет угнетенных испровергать своих угнетателей, чтобы посредством пролетарской революции перейти из клонящегося к упадку мира в тот мир, где одновременно с техническим прогрессом будут удовлетворяться жизненные потребности пролетариата. Я против празднования дней рождения и смерти, вследствие религиозного происхождения этого обычая, однако торжественное празднование годовщины смерти Маркса — человека, который всю свою жизнь боролся за устранение неравенства между людьми, — празднование, инициатива которого принадлежит стране, где пролетариат захватил и удержал власть, кажется мне, до наступления мировой революции, вполне закономерным».

Отдел «Хроника» в иноязычных изданиях 1933 г. занимал гораздо меньшее место, чем в русском. Большую часть печатавшихся в нем материалов составляли сведения о советской литературной и культурной жизни; уделялось внимание зарубежным секциям МОРПА и антифашистскому движению.

В английском издании под рубрикой «Письма писателей» регулярно помещались корреспонденции иностранных деятелей литературы, журналистики и искусства (Т. Драйзера, Ш. Андерсона, У. Фрэнка, Л. Арагона, Кл. Манна, Я. Вассермана, М. Гаусмана, Р. Кайзера, Г. Поля, А. Шаррера — № 1; Г. Хикса, Ф. Бьюрка, Э. Сивера, Г. Хезлопа, Г. Каргера, А. Жида — № 2; Л. Муссиака, Г. Гюнтера, Н. МакЛеода — № 3; Т. Драйзера, Дж. Конроя — № 4; Катарины Причард, В. Палмера, Жана Девани — № 5; Ф. К. Вайскофа, Л. Лозовика, Р. Роллана — № 6). В них подвергались рассмотрению различные вопросы, связанные с литературой, искусством, с экономической и культурной жизнью разных стран, в том числе и Советского Союза.

«Нужно ли говорить вам, как сильно я люблю „International Literature“, — писал Т. Драйзер 1 июля 1933 г. редактору английского издания. — Полагаю, что для иностранцев это самое полезное и эффективное издание, получающееся из России, — и самое интересное.

Мне кажется, однако, что вы, редакторы, должны были бы тщательно изучить мировую прессу, — и не с тем, чтобы там столь неkritично выискивать восторженные высказывания о России, а выбирать высказывания, свидетельствующие о том, с какой широтой и — мало того — с какой неожиданной силой коммунистические идеи наступают на мир. Резюме подобного рода, исходящие от России и рассылаемые повсюду, не только ободряли бы сторонников коммунизма, но создавали бы пути и средства для дальнейшего его продвижения (<...>)

Чем более наблюдаю я мир, тем более убеждаюсь в том, что только русская революция открывает путь лучшему, более справедливому, более творческому и более гуманному общественному строю» (№ 4).

Австралийский писатель В. Палмер писал в корреспонденции, опубликованной в пятом номере журнала:

«Я получил огромную радость, достав экземпляр „International Literature“, который прочел от корки до корки. Какую жизнеспособность вы придали журналу! Мне нравился он и в прежнем виде, но теперь он лучше, он более доходчив. Я был чрезвычайно удивлен, ознакомившись с таблицами в конце номера, где указывается

количество книг, печатаемых теперь в Советской России. О, если бы в нашей стране писателям были предоставлены подобные возможности!...»

Прочитав первые книжки французского издания, Р. Роллан в письме к Л. Муссинаку от 17 октября 1933 г. охарактеризовал журнал как «в целом содержательный и живой» и особенно отметил «ценность сотрудничества М. Горького и посмертного сотрудничества Маяковского», а также одобрительно отзывался о «Карабугазе» К. Паустовского. Он рекомендовал уделять главное внимание проблеме отношения интеллигенции к революции и к пролетарскому труду, а также широко публиковать письма-исповеди молодежи, советских работников и т. п. «Вообще, отражайте в вашем журнале порывы, надежды, стремления, волны новой жизни, поднимающие самых талантливых, самых пылких из братской молодежи», — заключал Роллан свое письмо (№ 6, стр. 147. — Полный текст этого письма см. на стр. 293—295 настоящ. тома).

Продолжая публикацию автобиографий советских писателей, редакции иноязычных изданий напечатали (помимо перечисленных на стр. 582—583 настоящ. тома) автобиографии В. Киршона, Ф. Гладкова (№ 1 англ. изд.); Веры Инбер, А. Толстого (№ 2 франц. изд.); Вл. Лидина (№ 3 англ. изд.); С. Эйзенштейна, Л. Кассила (№ 4 франц. изд.); Л. Соболева и Вл. Ставского (№ 4 англ. изд.), А. Новикова-Прибоя (№ 4 нем. изд.).

* * *

Состав редколлегии «Интернациональной литературы» в 1934 г. был несколько сокращен. Из нее выбыли (к концу года) Б. Волин, Я. Висляк (Гемпель), Г. Гюнтер и П. Дитрих.

Из международного редакционного совета выбыл А. В. Луначарский, умерший в конце 1933 г. В том же году в совет был введен У. Франк.

Первая книжка журнала открылась призывом Р. Роллана «К народу Парижа».

«Фашизм, — писал Роллан, — последняя судорога, возможно — смертельная, капиталистической реакции <...> Будьте на чеку! Это призыв ко всем трудящимся, к миллионам рук пролетариев и к разуму, оставшемуся верным самому себе, а значит, и делу пролетариата. Это призыв к революционным писателям и художникам. Между фашизмом и нами борьба не на жизнь, а на смерть! Вспомним слова Вольтера: „Раздавим гадину!“».

В течение 1934 г. в «Интернациональной литературе» были опубликованы отрывки из романов и пьес Перл Бак, Ж. Р. Блока, В. Бределя, Дж. Дос Пассоса, А. Жида, Л. Кручковского, С. Льюиса, П. Низана, Э. Оттвальта, Г. Реглера, Х. Э. Риверы, Р. Роллана, У. Роллинса, А. Рудницкого, Р. Х. Сендера, Г. Фаллады, Л. Фейхтвангера, Ф. М. Ферейра ди Каштру, Б. Шоу, рассказы Ш. Андерсона, Т. Драйзера, А. Жида, Э. Колдуэлла, Р. Ларднера, Мао Дуня, Милберна, Ш. Нихаля, Т. Пливье, Э. Хемингуэя, А. Шаррера³⁵, стихотворения Р. Альберти, И. Р. Бехера, О. Брандао (сопровожаемое его автобиографией), В. Броневского, Пля-и-Бельтрана, Ст. Р. Станде, Н. Хикмета и Эми Сяо.

Большим богатством и разнообразием материала отличался в 1934 г. критический отдел журнала, озаглавленный в разных номерах по-разному: «Критика», «Теория и критика», «Критика и библиография». Здесь, как и прежде, печатались статьи о национальных литературах, о важнейших процессах, определяющих их современное развитие, а также подвергались разбору произведения отдельных авторов, главным образом публикующиеся на страницах текущего номера (статьи И. Анисимова, Я. Висляка (Гемпеля), С. Динамова, А. Елистратовой, В. Ивашевой, И. Кашкина, Ф. Кельина, У. Кармона, Л. Коуэна, М. Левидова, Ф. Лешницера, Ст. Людкевича, Д. Мирского, Л. Муссинака, П. Низана, Труде Рихтер, Ж. Сервеза, С. Третьякова, Гр. Хикса, Л. Хьюза и К. Шмюкле).

Особо следует отметить блестящий биографический очерк А. Куреллы «Анри Барбюс» (№ 3-4).

В статье «Человек в процессе рождения» А. Мальро подробно излагал причины, толкнувшие выдающихся писателей и художников Франции, «даже тех, которые были враждебны революционной борьбе классов, на путь пролетариата, путь борьбы за социалистическое общество и защиты СССР» (№ 6).

Своеобразной и сложной композицией отличался двоянный третий-четвертый номер журнала, почти целиком посвященный предстоящему Съезду советских писателей. Приветствия литературных организаций и отдельных зарубежных деятелей культуры перемежались здесь с художественными произведениями, критические и публицистические статьи — с многочисленными ответами писателей на анкету МОРПа о Советском Союзе и советской литературе.

В «Боевом привете от Международного объединения революционных писателей Всесоюзному съезду советских писателей» констатировалось:

«Советские писатели — самый мощный и передовой отряд на фронте международной революционной литературы. Влияние этого отряда помогает росту прекрасных и талантливых революционных писателей в иных странах, и, в свою очередь, их достижения, влияя на творчество советских писателей, еще более усиливают общий рост революционной литературы, ставшей, по словам Ленина, частью общепролетарского дела».

Приветствуя съезд от имени АЕАР — французской секции МОРП, — П. Вайян-Кутюрье, Л. Муссинак, Л. Арагон и П. Низан предсказывали, что он «прозвучит за границами Союза и даст важнейшие уроки революционным писателям других стран».

«Мы заверяем Первый съезд советских писателей, — заявил от группы немецких революционных писателей И. Р. Бехер, — что обеспечим ему самую широкую пропаганду за рубежом; мы обещаем проработать его идеи и передать их далеко за пределы наших рядов, всем тем, кто в литературе стоит за правду...»

Горячие приветствия съезду были присланы Союзом революционных писателей Австрии, Союзом пролетарских писателей и художников Валенсий, группой революционных писателей Исландии и американскими революционными журналами.

«На вас устремлены взгляды всего культурного мира, — писал Э. Оттвальт. — Вы должны помнить о том чувстве глубокой симпатии, с которой самые передовые писатели всех стран следят за вашей работой, направленной к развитию творческих сил пролетариата, для создания социалистической культуры в бесклассовом обществе».

Л. Фейхтвангер писал:

«Я от души приветствую советских писателей всего Союза, которые созывают свой съезд. В эпоху растущего националистического варварства советские писатели продолжают традицию истинной великой литературы <...> От всей души желаю съезду советских писателей успеха».

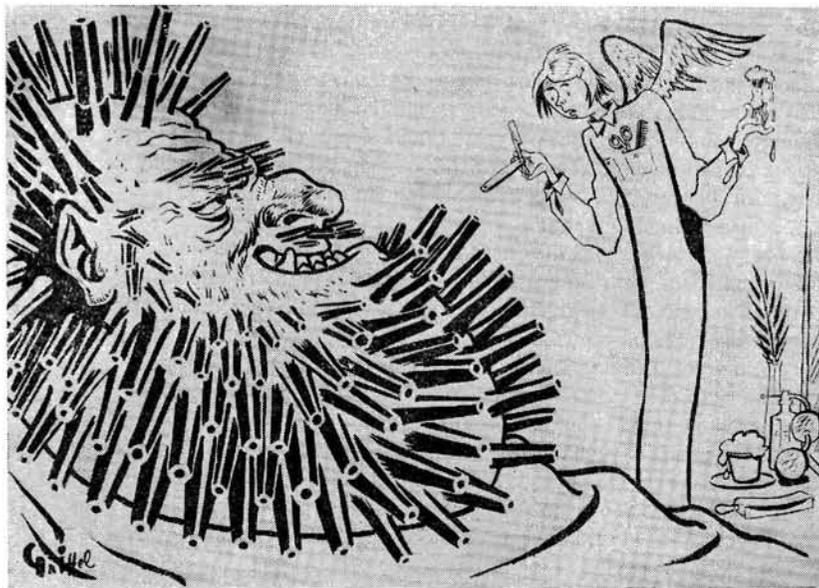
Мы уже упоминали выше об анжете, разосланной зарубежным деятелям культуры. Ответы на нее заняли немалую часть объемистой третьей-четвертой книжки журнала. Вопросы были поставлены следующие:

1. Что вам дали существование и достижения Советского Союза? (Как повлияла Октябрьская революция и социалистическое строительство на ваш образ мышления и на характер вашей творческой работы?)

2. Ваше мнение о советской литературе?

3. Какие явления и процессы в культуре капиталистических стран больше всего привлекают ваше внимание?

На анкету ответили писатели, критики, художники, ученые, журналисты, социологи — Р. Аркос, Л. Бенар, П. Гзелль, Э. Даби, Л. Дюртен, Ф. Журден, Л. П. Кэн, Ф. Леже, Р. Моблан, Л. Поль, М. Пренан, Р. Роллан, Ж. Сервез, П. Синьяк, П. Террас, Э. Фор, Ш. Френе (Франция); Л. Адамик, Т. Драйзер, Дж. Калар, Г. Карлайль, М. Каули, Э. Синклер, Дж. Стил, Дж. Фримен, Гр. Хикс, И. Шнейдер (США); Э. Толлер, В. Тюрк, Б. Фрей (Германия); Наоми Митчисон, А. П. Ролей, Дж. Стречи (Англия); Р. Альберти, Х. Ардерюс, С. М. Арконада, Пля-и-Бельтран, Э. Дельгадо, Мария Тереса Леон, А. Л. Обреро, А. Оливарес, А. С. Пляха, Р. Х. Сендер, Р. Фонсека (Испания); Х. Мансисидор (Мексика); М. Андерсен-Нексё (Дания); Й. Ласт (Голландия); Лу Синь, Мао Дунь (Китай); П. Илемницкий (Чехословакия).

«АНГЕЛ МИРА»

Рисунок (карандаш, тушь) Л. Гриффеля, 1932

«Интернациональная литература», 1934, № 2

Воспроизводится с оригинала

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Обширный ответ Р. Роллана, не вошедший в его собрания сочинений и в отдельные сборники, озаглавлен: «Мой путь к пролетарской революции». В его первой части подробно характеризуется идейная эволюция писателя «от узкого индивидуализма до пролетарской революции». Вторую часть ответа Роллан посвятил советской литературе. «Я радуюсь,— писал он,— что, в противовес поклонению искусству для искусства, в противовес эстетическому нарциссизму Запада, тщеславному и ребячливому <...>, советская литература — одновременно и искусство и действие, что это действие отражается в искусстве, а это искусство — прожектор отраженного в нем действия, что оно повторяет его силу, стимулирует ее и светит ее лучами».

Среди советских книг, вышедших на французском языке, Роллан особенно отметил произведения И. Бабеля, Вс. Иванова, К. Федина, М. Шагинян, Л. Леонова, А. Фадеева, А. Серафимовича, Ф. Гладкова, Л. Сейфуллиной, А. Неверова, И. Эренбурга, К. Паустовского, С. Третьякова, С. Амаглобели, П. Павленко, Д. Лаврухина.

«С глубочайшим интересом наблюдал я зарождение и рост СССР <...>,— писал в своем ответе «СССР — маяк человечества» Т. Драйзер.— С того момента, как я аналитическим путем впервые пришел к пониманию этих процессов и их результатов, я не перестаю приходить в отчаяние от ужасной и все углубляющейся несправедливости, которую порождает капиталистическая система <...> Самое возникновение СССР и даже трудные первые годы его существования положили начало весьма убедительному и не вызывающему возражений доводу, ныне ставшему несокрушимым. На мировой арене появилась нация, говорящая на деле: наша система даст не собственнику капитала, а его производителю справедливо и удобно устроенную жизнь и все блага, которые способны изобрести гений, искусство, наука и силы человеческого разума <...> К этому учению, к этому светочу, я обращал свой взор и находил поддержку и вдохновение для творческой работы».

Ввиду малодоступности переводов, я далеко не так хорошо знаком с путем развития советской литературы, как мне этого хотелось бы. Но я знаком с наиболее значи-

тельными произведениями <...> Я с удовлетворением отмечаю, между прочим, стремление создать литературу, которая являлась бы не только средством пропаганды или, вернее, которая занималась бы не только деталями теории <...> Приятно и важно видеть, что ваши писатели могут и уже начинают переходить к более свободному и менее тенденциозному роду литературы, ставя перед собой задачу: дать миру смело написанное полотно вашей жизни. В этом случае им можно только позавидовать <...> За пределами России для масс не делается ничего реального...»

М. Андерсен-Нексё писал:

«Уже одно существование победоносного Союза Советских Социалистических Республик для меня, человека и писателя, факт огромного значения. В нем наша утопия, которая подчас, по сравнению с мрачной действительностью, должна была бы казаться безумием, превратилась в прекрасную, осязаемую реальность, а его достижения, его строительство, безостановочный подъем! И все это на фоне гниющего Запада. Сегодняшний мир страшен. Но насколько он был бы страшнее, не будь радостного факта существования Советской России! Часто я сам черпал мужество из этого факта, когда мной овладевали усталость и уныние. И, в первую очередь, победа Октябрьской революции оказала оживляющее действие на мою инициативу пропагандиста <...> Я знаю по опыту, что ничто так не революционизирует пролетариат Запада, как изображение действительности Советской России. Соответственно с этим я и поступаю...»

Л. Дюртен отмечал:

«Мое путешествие в Россию семь лет тому назад было для меня событием огромной важности. Со времени соприкосновения с обновленной цивилизацией СССР мне тысячи раз приходилось сопоставлять с примером России то, что мне пришлось наблюдать во всем мире <...> Текущая советская литература полна силы и новизны».

«Чем мы обязаны Советскому Союзу? — восклицал Э. Толлер. — Его существованием. Сегодня больше, чем когда бы то ни было. Оберегать его, защищать — долг каждого, кто сохранил веру в историческую миссию трудящихся классов <...> Советский Союз должен стать творческим отечеством всех свободных умов».

«Я не перестаю повторять, что опыт Советского Союза — важнейшее событие во всей истории человечества <...>, — заявил Э. Синклер. — Читаю новую советскую литературу, переведенную у нас, всегда с симпатией и часто с восхищением. В капиталистических странах наблюдаю за развалом промышленности и за наступлением фашизма. Последнее так взволновало меня, что я временно отошел от писательской работы и занялся политикой. Как вы, русские, разрешили свои проблемы применительно к вашим русским условиям, так и я пытаюсь разрешить проблемы калифорнийские применительно к условиям этого штата...» (Политической деятельности Синклера вскоре была посвящена статья С. Гардина «Эптон Синклер — реакционный утопист» — № 5.)

«Могу просто и честно сказать, что Октябрьская революция совершенно изменила мою жизнь, — писал Дж. Фримен, — она определила мою политическую позицию, мое творчество, мои мысли, мои чувства; она втянула меня в международную борьбу пролетариата за свержение капитализма и установление бесклассового общества <...> Больше всего нас поражает в советской литературе, что она не анархичное проявление единичных талантов, но часть гигантского процесса построения социалистического общества...»

«Когда весть об Октябрьской революции дошла до Америки, я страшно обрадовался, — отмечал в своем ответе И. Шнейдер. — И ни разу с тех пор не угасало это чувство радости, что, наконец-то, социализм начал осуществляться и что в России рисуется светлое будущее человечества...»

«...Никто не может оставаться равнодушным перед гигантскими усилиями трудящихся масс СССР <...>, — восклицал Р. Альберти. — Я считаю, что новое поколение советских писателей уже превзошло литературу дореволюционной эпохи».

«По возвращении моем из поездки в Москву (в 1932—1933 гг.) вся моя работа пошла по руслу, намеченному Октябрьской революцией, — писала Мария Тереса Леон. — С этого момента я нахожусь на фронте испанской революции. Ваша великая победа пробудила во мне чувство новой — социалистической — родины. Теперь я работаю,

ставя целью добиться для испанского пролетариата того, чего уже достигли рабочие и крестьяне Советского Союза).

«...Семнадцать лет существования и успехов Советского Союза дали мне твердую уверенность в том, что бесклассовое общество непременно будет построено,— заявил Лу Синь. — Это не только ликвидировало целиком мои сомнения, но и вселяет все больше и больше бодрости в работе и веры в будущее...»

Мао Дунь писал:

«...Новую бодрость в работе и новое направление в ней мне дали Октябрьская революция и ее литературные достижения! <...> Октябрьская революция уже научила китайскую молодежь узнавать свои задачи и свою роль. Великий, богатый урожаем на литературной ниве Советского Союза дал ей направление в литературной работе».

«Лично меня советское искусство научило тому, что надо писать конкретно, реалистично, что борьба за социализм требует полнокровного правдивого изображения героики борьбы пролетариата,— указывал в своем ответе голландский революционный писатель Й. Ласт.— Советское искусство открыло мне новые перспективы творчества, тесно связанного с конкретной действительностью...»

Из ответа П. Илемницкого:

«Советская литература, поскольку ее знают в европейских странах, имеет огромное влияние. И это потому, что она исполнена жизни, потому, что она воодушевляет на борьбу и помогает исправлять творческие ошибки. В основной своей массе советская литература неотделима от единого наступательного фронта, объединяющего всех строителей нового мира».

В этом отделе было напечатано обращение А. Барбюса к интеллигенции с призывом вступать в комитеты по борьбе с фашизмом.

В программной статье «Морповское движение», напечатанной в № 3-4 журнала, Ст. Людкевич писал:

«Какие же *новые черты* характерны для нынешнего этапа — включения в революционное литературное движение не только больших литературных имен, но и значительных слоев молодых писателей?»

Это, прежде всего, глубокая ненависть к капиталистическому строю — экономическому и духовному порабощателю человечества.

Это, гораздо более чем когда-либо, *сознательное отношение к решающим вопросам классовой борьбы, активное включение в революционную борьбу и приобщение многих писателей непосредственно к коммунистическому движению* <...> Новое — это процесс не только радикализации, *а революционизации писателей, в которой главную и решающую роль сыграли успехи СССР* <...>

Залог укрепления морповского движения — это более сильная связь между зарубежными революционными писателями и писателями Страны Советов <...> И эта связь является необходимой предпосылкой для создания действительно мощного антифашистского писательского лагеря во главе с наиболее выдающимися современными писателями, в значительном числе уже приобщившимися к этому лагерю».

В статье Людкевича приводились многочисленные данные о деятельности национальных секций МОРПа.

Отделы «Факты и документы» и «Хроника» в течение всего 1934 г. были насыщены материалами о литературной и художественной жизни Запада, антифашистской борьбе, деятельности прогрессивных периодических изданий, литературных объединений, сведениями о книжных и театральных новинках, ответами писателей на различные анкеты и т. п. Часто перепечатывались в этих отделах отклики западной прессы на выход в свет за рубежом произведений советских писателей. Особенно значительное место занимали здесь данные о работе зарубежных секций МОРПа.

О своем вступлении в АЕАР известил П. Вайяна-Кутюрье открытым письмом один из старейших французских беллетристов — В. Маргерит:

«Дорогой друг! Все, что мы видим кругом, вызывает у меня глубокое отвращение. Я убежден, что если не произойдет полного преобразования общества, то мы неизбежно скатимся к хаосу. Вот почему, желая участвовать в преобразовании общества и убеждаясь в том, что только „союз трудящихся установит мир во всем мире“, я

вступаю в Ассоциацию революционных писателей и художников Франции. Прошу вас завести мое имя рядом с именами моих друзей — Роллана, Барбюса, Ж. Р. Блока, Мальро, Даби, Жюно и многих других товарищей, которые работают для скорейшего создания царства справедливости, солидарности и человеческого достоинства» (№ 6).

В отделе «Репортаж», время от времени появлявшемся в журнале, были напечатаны очерки Л. Коуэна «Теодор Драйзер на баррикадах борьбы» (№ 5), Л. Хьюза «Блюстители закона стучатся в мою дверь» — о стачечном движении в США (№ 6) и др.

Иноязычные издания «Интернациональной литературы» 1934 г. продолжали широко знакомить зарубежных читателей с произведениями советской литературы. В них появились «Энергия» Ф. Гладкова, «Севастополь» А. Малышкина, «Колхида» К. Паустовского, «Похищение Еврошы» К. Федина, «Аристократы» Н. Погодина, рассказы, очерки и стихотворения И. Бабеля, Э. Багрицкого, В. Гроссмана, Н. Деметьева, Веры Инбер, Вл. Лидина, Ю. Олеси, Ф. Панферова, Б. Пильняка, В. Саянова, Л. Сейфуллиной, Л. Соболева, О. Эрдберга, Б. Ясенского и др. В критико-публицистических отделах журналов печатались статьи А. М. Горького, А. В. Луначарского, И. Анисимова, Ф. Гладкова, Е. Гальпериной, С. Динамова, А. Елистратовой, И. Кашкина, Ф. Кельина, М. Левидова, Д. Мирского, Т. Мотылевой, И. Новича, Ю. Олеси, Я. Фрида и др.

Из произведений зарубежных писателей, не появлявшихся в русском издании, отметим пьесы Э. Вайнера «Кёльн. 30 ноября 1933 года», Э. Толлера «Мировая страсть», Г. Вангенгейма «Решение», Ф. Вольфа «Рут и рабочие», цикл стихов о Ленине А. Клиффорда, отрывки из романов, рассказы, очерки и стихотворения С. М. Арконада, И. Р. Бехера, Ф. К. Вайскопфа, П. Вайяна-Кутюрье, Ш. Гергея, Г. Дрейфюса-Тегана, Р. Карра, Э. Э. Киша, Э. Колдуэлла, Дж. Конроя, Б. Ольдена, Э. Отвальта, Г. Реглера и др. В отделах публицистики и критики были напечатаны статьи А. Габора, П. Гзелля, У. Кармона, М. Каханы, А. Куреллы, Ф. Лешницера, Г. Лукача, Ж. Сервеза, К. Шмюкле, А. Эйнштейна и др.

Немалое место в иноязычных изданиях уделялось Первому съезду советских писателей. В одной из немецких книжек, например, была напечатана статья о съезде Г. Гупперта, приветствия Л. Фейхтвангера, Г. Манна, А. Эренштейна, А. Голичера, В. Герцфельде, Э. Отвальта, В. Бределя, Л. Турека и ряда западноевропейских литературных объединений, выдержки из выступлений зарубежных писателей и т. п. Во всех трех изданиях было помещено интервью с А. Мальро о работе съезда.

Под рубрикой «Письма писателей» в английском издании были опубликованы корреспонденции А. Габора, Г. Кирка, Г. Карлайля (№ 2), М. Джозефсона, Дж. Р. Чаплина, В. Родригеза (№ 6).

Ряд материалов советских и иностранных авторов был опубликован под рубриками «Советская жизнь», «Наука в Стране Советов», «Юность культуры» и т. п.

В немецком издании журнала 1934 г. появилась новая рубрика — «Голоса нелегалов», под которой печатались присланные из фашистской Германии очерки и статьи революционных писателей.

В первой книжке немецкого издания было напечатано стихотворение И. Р. Бехера «Людвиг Ренн перед судом» и вслед за ним обращение Союза пролетарско-революционных писателей Германии в связи с угрозой, нависшей над Ренном, а также следующее письмо Л. Фейхтвангера:

«Осуждение Людвига Ренна немецким судом представляет собою дерзкий вызов всем писателям мира. Осуждение это доказывает, что немецкое правительство рассматривает всякое распространение просвещения как злокозненный акт, а писательскую деятельность — как преступление, и оно пытается всеми способами воспрепятствовать ей. Немецкое правительство превратило, таким образом, борьбу за Людвига Ренна в дело, которое касается не только коммунистов, но и всех писателей мира. Я буду выступать везде, где только может быть услышан мой голос, за Людвига Ренна».

Программная статья секретариата МОРПА о задачах Ассоциации революционных писателей и художников Франции помещена была в третьей книжке французского издания.

* * *

В объявлении Гослитгиздата «К сведению подписчиков», напечатанном в первой книжке 1935 г., сообщалось: «Вместо указанных раньше шести номеров, журнал „Интернациональная литература“ выйдет в 1935 г. в количестве двенадцати номеров, по одному номеру в месяц, в том же объеме.

Состав редколлегии «Интернациональной литературы» в 1935 г. остался без изменений. Из международного редакционного совета выбыл М. Голд.

Беллетристический отдел журнала в 1935 г. отличался не меньшим разнообразием, чем прошлогодний. Преобладающее место в нем занимали произведения видных западноевропейских и американских писателей. Из номера в номер в течение всего года переходил роман Дж. Джойса «Улисс»; печатались отрывки из романов Э. Хемингуэя («Фиеста»), В. Маргерита («Вавилон») — № 1; А. Монтерлана («Холостяки» и «Роза песков») — № 2 и 9; А. Деблина («Берлин, Александерплац») — № 2; У. Франка («Смерть и рождение Дэвида Маркенда») — № 3; Дж. Голсуорси («Через реку») — № 4; Перл Бак («Сыновья» и «Мать») — № 5 и 9; Г. Манна («Юность короля Генриха IV»), Г. Фаллады («У нас был ребенок») — № 6; Х. Икаса («Уасипунго») — № 7; О. Хаксли («Прекрасный новый мир») — № 8; А. Моруа («Байрон») — № 9; Ж. Жюно («Песнь земли»), Ш. Андерсона («История рассказчика») — № 10; отрывки из пьесы Х. Бенаvente «Город веселый и беспечный» — № 5; одноактная пьеса Р. Х. Сендера «Тайна» — № 6.

Из крупных произведений революционных писателей в «Интернациональной литературе» были опубликованы «Путь через февраль» Анны Зегерс (№ 7—8), «Облик дня» Ванды Василевской (№ 10), «Цинкография» А. Халпера (№ 6), «Рассвет» Мао Дуэня (№ 5). В журнале были также помещены рассказы Ж. Бребана, Ш. Вильдрака, Ж. Геэнно, Э. Колдуэлла, А. Мальца, Дж. Милберна, Э. Оттвальта, Л. Пираделло, У. Сарояна, Л. Фейхтвангера, Л. Хьюза, Симаги Кенсаку, Ху Лан-чи³⁶ и стихотворения Р. Альберги, И. Барта, И. Р. Бехера, Э. Вайнерта, Дж. Джойса, Дж. Лепана, М. Мачадо, Р. Педросо и др.

Рубрикация отделов в «Интернациональной литературе» 1935 г. была несколько более разнообразна, чем в предыдущие годы.

В 1935 г. в журнале появился новый отдел — «Сатира и юмор», вскоре превратившийся просто в «Юмор». В нем были напечатаны рассказы Э. Колдуэлла, Ст. Ликока, А. Бирса, Г. Кроя, У. Ирвина и М. Твена. Нельзя сказать, чтобы подбор материалов для этого отдела производился особенно удачно — скорей наоборот: некоторые напечатанные в нем рассказы сбивались на простое зубоскальство.

Заметное место в критико-библиографическом отделе журнала занимали темы, связанные с развитием революционной литературы Испании. Наряду с большими обзорными статьями — Б. Минлоса («Крестьянский роман в Испании») и А. Саласа («Обзор каталонской литературы») — № 10, в 1935 г. были напечатаны статьи об отдельных писателях и их последних произведениях (И. Переса-Вальдеса «Унамуно и испанская революция» — № 5; А. Дикгофа-Деренталя «Валье Инклан» — № 6 и «Пио Бароха» — № 7; Ф. Кельина «Луис де Сирваль» — № 1, «Андрес Карранке де Рпос» — № 3, «Рамон Х. Сендер, боец и художник» — № 9 и др.). Часть этих статей напечатана под рубрикой «Литературные портреты».

В «Интернациональной литературе» 1935 г. появились и другие «литературные портреты»: «Анатоль Франс» П. Гзелля (№ 2), «Эрих Мюзам» Ф. Лешнидера (№ 3), «Оскар Уайльд» А. Жюда (№ 5).

В статье Ст. Людкевича «Заметки о новейшей литературе Польши» (№ 1) констатировалось, что польскому фашизму не удалось создать польскую фашистскую литературу. «Революционная литература Польши, — писал он, — с боем заняла передовые позиции польской литературы. Она поведет за собой тех, кто еще колеблется, кто, страдая за человечество, не находит в себе сил противостоять лживым лозунгам буржуазного патриотизма, хищникам классовой солидарности. Людкевич подверг в этой статье доброжелательному анализу романы «Квасницы» Г. Джевецкого и «Облик дня» Ванды Василевской. Последнюю книгу он охарактеризовал как «крупнейшее событие

«КРАСНАЯ ЧАЙХАНА»

Рисунок Луиса Лозовика, из серии таджикских зарисовок, 1932

«Интернациональная литература», 1934, № 2

Воспроизводится из «New Masses», 1934, 9 октября

польской литературы», являющееся, «несмотря на свои недостатки, лучшим польским революционным романом, созданным на фоне жизни современной Польши». «В этом талантливейшем показе действительной и торжествующей революции, — заключал Людкевич, — огромная сила книги Василевской».

Труде Рихтер в статье «Фашизм в поисках стиля» указывала на трагическое положение, создавшееся в немецкой литературе в связи с приходом к власти фашистов. «Писатели, действительно владеющие немецким языком, — отмечала она, — находятся в эмиграции или сидят в концентрационных лагерях, в тюрьмах. Лучшие произведения немецкой литературы сожжены на костре. Широко раскрыта дорога перед всеми бездарностями, перед всеми, кто хочет приспособиться...» (№ 1).

Из других серьезных критических работ, напечатанных в течение года, следует отметить статьи: Иоси Хидзиката и Секи Сано «Японская литература в руках военщины», Б. Песиса «Фашизм и французская интеллигенция», А. Старцева «Ранний Уэллс», Б. Минлоса «Идеология испанского фашизма», И. Анисимова «Анри де Монтерлан, поэт мужества», И. Аксенова «Ромео и Джульетта».

В 1935 г. в журнале были напечатаны специально присланные по просьбе редакции автобиографии А. Жюда, Л. Фейхтвагнера, Й. Ластва (№ 2); И. Асеведо, Б. Узе, М. Андерсена-Нексе, Ж. Жюно (№ 4); Х. Сугасагойтя (№ 5); В. Бределя (№ 6); П. Бароха, А. Голичера, А. Халпера (№ 7); Ж. Амаду, А. Шаррера (№ 8); А. Керра, М. Мачадо (№ 9); У. Сароляна, Кл. Манна (№ 10). Автобиографии эти помещались

преимущественно в отделе «Факты и документы». Вне этого отдела печатались в продолжение всего года отрывки из известного автобиографического произведения Т. Драйзера «Повесть о самом себе».

Отдел «Факты и документы» первой книжки журнала открылся Возвращением Ассоциации революционных писателей и художников Испании.

«Не для того, чтобы защищаться, а для того, чтобы нападать, восстал 5 октября 1934 г. пролетариат Астурии против фашизма,— читаем мы в этом документе.— Свыше полутора лет назад группа писателей Испании начала издавать в Мадриде журнал, на обложке которого пламенели семь красных букв — „Октябрь“, напоминая о том славном моменте, когда Россия стала называться Советским Союзом. Шесть номеров журнала, который подвергался жестокому преследованиям полицией,— вот его короткая жизнь. Вокруг него родилась и окрепла испанская АЕАР (секция МОРПа). Красный Октябрь в Астурии — это боевое крещение нашей революции, ее крещение кровью и огнем — вот название нашего журнала, точка отправления нашей революционной литературы...»

В том же номере журнала помещено было обширное высказывание Жана Ришара Блока о Советском Союзе.

«СССР кладет фундамент нового мира,— заявлял он.— Он работает так радостно и с такой лихорадочной быстротой, о которой не может иметь представления тот, кто здесь не был. Когда едешь в СССР, надо пересечь всю промышленную Бельгию и Германию. Это два кладбища фабрик и заводов. Когда же приезжаешь сюда, то попадаешь словно в горнило, в котором плавится жизнь. На каждой стройке, на протяжении всей территории, работают бригады радостных, здоровых, свободных и заряженных волей людей. Трудности не ускользают от нас <...> Но они вызывают в нас лишь внимание и уважение <...> Я имел счастье при жизни быть свидетелем величайшего события во всей истории человечества. Сознаюсь, что до того, как я сюда приехал, я если и догадывался о масштабах этого события, все-таки не представлял себе его подлинной величины».

В седьмой книжке журнала были опубликованы высказывания французских писателей — Ж. Р. Блока, Ш. Вильдрака, Л. Дюртена и Ж. Кассу о предстоящем Международном конгрессе в защиту культуры. Ж. Р. Блок по этому поводу заявил:

«Это конгресс жизни и здоровья. Он должен прозвучать призывным сигналом для мощных сил, которыми человечество полно до краев, но оно не знает, на что их употребить. Наши враги — могильщики культуры и мысли. Наши враги — это откровенный фашизм, господствующий в ряде стран, это скрытый фашизм, существующий в других странах и постоянно стремящийся поразить здоровый дух и тело микробами разложения».

В следующем номере журнала были напечатаны под рубрикой «Международный конгресс защиты культуры» выступления на конгрессе А. Жиды, Л. Фейхтвангера, А. Мальро и Анны Зегерс.

Из других материалов, помещенных в отделах «Факты и документы» и «Хроника», отметим заметки об организации «Интернационала писателей» в Лондоне (секция МОРПа) — № 1; о подготовке к Съезду американских революционных писателей (№ 2), об организации «Интернационала писателей» в Австралии (№ 8), а также письма в редакцию «Интернациональной литературы» Дж. Дос Пассоса (об «Улиссе» Джойса), В. Маргерита, А. Барбюса (об обсуждении в литературных кругах Парижа вопроса о социальной роли писателя), Ж. Жюно, Г. Манна и др.

«Дорогой друг Динамов! — писал Г. Манн.— Ваше письмо меня ошастливило. Вы можете понять, что теперь я слышу не много таких похвальных слов. Для писателя без родины тем почетнее слышать из вашей родины, что его хотят читать. Позвольте мне сказать, с какой глубокой симпатией следил я за речами русских писателей на Парижском конгрессе. „Новый гуманизм“, который они провозгласили, это, конечно, самый счастливый поворот, который может произойти. Примите мой дружеский привет».

К пятидесятилетию Э. Э. Киша в «Интернациональной литературе» был напечатан ряд дружеских приветствий зарубежных и советских писателей — А. Барбюса,

Р. Роллана, Б. Брехта, М. Голда, Анны Зегерс, М. Кольцова, Т. Пливье, С. Третьякова, К. Федина, Л. Фейхтвангера, а также самой редакции «Интернациональной литературы». Здесь же была помещена статья Т. Балка — «Эгон Эрвин Киш и искусство репортажа» (№ 4).

Смерть виднейшего деятеля международного революционного литературного движения А. Барбюса вызвала ряд взволнованных откликов на страницах «Интернациональной литературы».

В сентябрьской книжке журнала появился некролог, в котором говорилось: «Умер Анри Барбюс. Ушел из жизни человек, вся жизнь которого была борьбой и для которого борьба была жизнью<...> Он был храбрым и непреклонным солдатом революции, воспитанным коммунистической партией, он был отважным бойцом за новую культуру, он вел в бой, не зная отступления, лучшие умы человечества. Он ушел из жизни, но остались его книги, его творческий труд, его огненные мысли. Лучшей памятью об ушедшем борце будет борьба за освобождение человечества от цепей капитализма, за создание социалистического общества, за мировую революцию, за коммунизм».

В следующей книжке журнала были помещены «Заметки об Анри Барбюсе» С. Динамова.

В журнале в течение года появился ряд содержательных статей о современном революционном изобразительном искусстве.

В 1935 г. иноязычные издания «Интернациональной литературы» выходили не раз в два месяца, как прежде, а ежемесячно. В них печатались преимущественно художественные и публицистические произведения советских авторов (И. Бабеля, М. Зощенко, Вс. Иванова, И. Катаева, В. Катаева, Б. Лавренева, Ю. Олеши, Н. Островского, Б. Пастернака, Б. Пильняка, Г. Серебряковой, Н. Тихонова, А. Толстого и др.). Иностранные писатели были представлены в этих органах главным образом небольшими рассказами и очерками. Отдел критики и публицистики занимал в иноязычных изданиях особенно большое место. Здесь были напечатаны высказывания Ленина о литературе и искусстве, статьи М. Горького о пролетарском гуманизме и культуре, А. В. Луначарского о Ленине, А. Франсе, Мопассане, Гельдерлине, Баконе, диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», очерки Ф. Лешницера об А. Шаррере, Л. Ренне, Э. Вайнерте и Анне Зегерс.

В 1935 г. «Интернациональная литература» выходила и на китайском языке. Ответственным редактором этого издания был Эми Сю.

Отдел «Хроника» в 1935 г. почти совсем исчез из французского и немецкого изданий. Почти в каждом номере английского издания продолжали печататься корреспонденции иностранных писателей (Т. Пливье, Ф. Вольфа, И. Баха, М. Муллепроде, Р. Альберти, Бетти Ри, Х. Картера, Дж. Триза, Й. Ласта, Д. Кьюрена, Р. Форсайта и др.).

В английском и немецком изданиях были напечатаны автобиографии и биографии следующих писателей: Р. Роллана, Л. Фейхтвангера, Дж. Хенли (№ 4 англ. изд.); Ж. Жиано, М. Андерсена-Нексё, Дж. Милберна (№ 5 англ. изд.); Л. Фейхтвангера (№ 5 нем. изд.); Б. Узе (№ 6 нем. изд.); Х. Сугасаогитъя, А. Жюда, А. Халпера (№ 6 англ. изд.); Р. Пердрозо, Ж. Амаду, В. Маргерита (№ 7 англ. изд.); Кл. Манна, М. Джозефсона, Дж. Конроя, Сельмы Лагерлёф (№ 8 англ. изд.); А. Керра, Дж. Лемана и Х. М. Кота (№ 10 англ. изд.).

Высокую оценку журналу дал В. Маргерит в письме к С. Динамову:

«Очень благодарен за любезную присылку № 6 французского издания „Интернациональной литературы“. Я, конечно, знаю и восхищаюсь могучим талантом Бабеля. Но я не знал его рассказов „Гюи де Мопассан“ и „Нефть“. Я нашел в них характерную живость и остроту бабелевского письма. Особенно, пожалуй, поразил меня „Гюи де Мопассан“. Затем я прочел или, вернее, слушал, как читала жена, так как зрение мое все еще утомлено, волнующий рассказ Мальца. Очень признателен вам за то, что вы указали мне на него. В его простоте действительно кроется глубокая человечность. Кажется, что это не литература, а только сама жизнь. А в моих устах — это высшая похвала художнику» («Интернациональная литература», 1935, № 9, стр. 156).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «КАПИТАЛУ»
КАРЛА МАРКСА

Рисунок Гуго Геллерта, 1932

Подпись:

«Труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо» («Капитал», книга первая, отдел третий, глава VIII)
«International Literature», 1933, № 2

* * *

После Международного конгресса в защиту мира и культуры МОРП, как известно, перестал существовать. Указание на то, что «Интернациональная литература» является органом МОРПа, появилось в последний раз на обложке десятой книжки русского, английского и немецкого изданий и девятой книжки французского издания. Журнал под тем же названием продолжал существовать еще семь лет — до начала 1943 г. (с 1936 г. как орган Союза советских писателей). Свой обзор мы прерываем на десятой книжке 1935 г., так как в нашу задачу входило рассмотрение содержания журнала только за тот период, когда он и формально и по существу являлся органом Международного объединения революционных писателей.

Журналы «Вестник иностранной литературы», «Литература мировой революции» и «Интернациональная литература» можно с полным основанием рассматривать как своего рода зеркало идеологических установок и деятельности МБРЛ и МОРПа в течение почти всего времени существования обоих объединений. Журналы эти проделали плодотворную работу по ознакомлению советского читателя с прогрессивной литературой Запада и Востока; они планомерно освещали также общественную и культурную жизнь зарубежных стран и различных революционных организаций. Иноязычные издания двух последних журналов пропагандировали за рубежом лучшие произведения советской литературы. Центральные органы МБРЛ и МОРПа не ограничивали себя, однако, чисто информационными целями и постоянно выступали инициаторами борьбы с империализмом, милитаризмом, колониализмом, классовым угнетением, консолидируя литературные силы зарубежного мира для защиты завоеваний Октября от посягательств международной реакции. Регулярно проводившийся этими журналами «опрос» иностранных писателей по основным проблемам эпохи имел важнейшее значение не только для выяснения самими деятелями зарубежной литературы своей политической позиции, они содействовали объединению левых сил на важнейшем историческом рубеже. В то же время в журналах обоих международных объединений нередко проявлялись совер-

шенно ошибочные и вредные установки, присущие МБРЛ и МОРПу, в частности групповщина, догматизм, враждебная непримиримость к некоторым прогрессивным, в сущности, явлениям литературной жизни и к отдельным писателям, например, А. Барбюсу и т. п. Далеко не все значительнейшие явления международной общественной жизни получали достаточно полное отражение на страницах этих журналов — в частности, остались почти или совсем не освещенными такие исторические события крупнейшего масштаба, как Амстердамский антивоенный конгресс (1932), Международный конгресс молодежи (1933), Лейпцигский процесс (1933) и т. п.

Детальное рассмотрение литературных и публицистических материалов, печатавшихся на страницах «Вестника иностранной литературы», «Литературы мировой революции» и «Интернациональной литературы» (1928—1935), дает возможность выявить как заблуждения и ошибки МБРЛ и МОРПа, так и положительные стороны деятельности обеих организаций, оставивших заметный след в истории мировой революционной литературы и международных литературных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. объявление на обложке № 1 «Вестника иностранной литературы», 1928 г.

² «Вестник иностранной литературы», 1928, № 4 (оборот последней страницы обложки).

³ Там же, № 3 (оборот последней страницы обложки).

⁴ Там же. — «Михаил» был напечатан в № 1—3 журнала (перевод с рукописи). В том же 1928 г. «Вестник иностранной литературы» опубликовал (по рукописи) еще один роман Истрати — «Репейники Барагана» (№ 9).

⁵ В мартовской книжке журнала напечатан по рукописи еще один очерк Барбюса — «Красная дева» (о Луизе Мишель).

⁶ Ш. Барта. Паника в городе (№ 1); М. Залка. Рано утром (№ 3); Л. О'Флаэрти. Горная таверна (№ 4); А. Пулайль. Безумный поезд (№ 5); Ж. Дюамель. Дневник Кошуа (№ 8); К. Мак-Кей. Домой в Гарлем (№ 10); И. Р. Бехер. Двести тысяч (№ 12) и др.

⁷ Публикуя этот «исключительный по психологической глубине роман об ирландском террористе, убивающем главу правительства» (из аннотации), редакция сообщала о полученном ею письме Флаэрти, в котором он писал: «Передайте мой привет трудящимся Советской России. Я горжусь тем, что мои произведения появляются на языке Достоевского и Гоголя» (№ 8, стр. 3).

⁸ Ф. К. Вайскопф. Солдат революции (№ 1); П. Вайян-Кутюрье. Бал слепых; К. Клябер. Повесть о другой Иоанне; Фусао Хакаяси. Рассказы месяца (№ 2); Ж. Туссель. Камень Медара (№ 3); Г. Лорберер. Молодая мать; А. Лаури. Торжество Аббаса (№ 4); В. Иллеш. От Будапешта до Вены (№ 5); Ст. Хайд. Лава (№ 5); Т. Драйзер. Святой Колумб и река; О. М. Граф. Кровоускание; Джо Керри. Ответ (№ 6); Я. Гашек. Джен-си, наивысшая правда; И. Бурейбах. Два пламени; Р. Кенни. Туннель (№ 7); Г. Кессер. Штраassenман; Ж. Дюамель. Дневник Кошуа (№ 8); Наканиси Иносукэ. Осеки, дочь Сейроку (№ 9); И. Гора. Смерть супругов Пивода; В. Солзский. Пинг-понг (№ 10); Г. Лорберер. Женщина рассказывает; Дж. Фримен. Джендльмен из Арканзаса; Ст. Хайд. Предатель; Л. Кйш. Венгерская Красная Пресня; Чжан Ипин. А-лянь (№ 11); Ж. Р. Блок. Локомотивы; Т. Драйзер. Мэр и его народ (№ 12); С. Льюис. Британия (№ 12).

⁹ См., например, аннотации к произведениям Г. Лорберера (№ 4), А. Пулайля, С. Хайда (№ 5), Джо Керри (№ 6), Р. Кенни (№ 7) и др.

¹⁰ «Вестник иностранной литературы», 1928, № 4, стр. 129.

¹¹ Там же, 1928, № 6, стр. 123.

¹² Там же, 1930, № 6, стр. 4.

¹³ «Еуроре», 1928, т. XVI, № 62, 15 février.

¹⁴ См. ее в Собр. соч. А. В. Луначарского, т. V, М., 1965, стр. 529 — 535.

¹⁵ См.: Р. Роллан. Собр. соч., т. XIII, 1958, стр. 161—168.

¹⁶ О «Monde» см. на стр. 225—246 настоящ. тома.

¹⁷ «Вестник иностранной литературы», 1928, № 6, стр. 124.

¹⁸ Г. Беккер. Мораль; К. Грюнберг. Броневик «Анна Мария»; А. Пулайль. Разговор о тени; Торао Хаяши. Оно борется с искушением (№ 1); Ст. Стрёмвельс. Август; Дж. ДосПассос. Фэн Мак-Крири; Ж. Туссель. Гость; Ф. Верфель. Лестница отеля; В. Бласко-Ибаньес. Бешенство (№ 2); К. Маэдako. Пятна на солнце; А. Гайлит. Новохозяин из Гайваскоды; Э. Мадарас. Когда вернется Андрей...; Л. Барлетта. Работа старой Миларгос (№ 3); М. Крлежа. Три рядовых; И. Ольбрахт. Неизвестный солдат;

М. З а л к а. Военная почта (№ 4); Б. Т р а в е н. Сборщики хлопка; Ж. Р. Б л о к. Три рассказа о демобилизации; К. М а к-К е й. Непутевый; Э. Ф и т ц ж е р а л ь д. Карьера полисмена (№ 5); Ф. К. В а й с к о п ф. Парикмахер Ладислав Цимбура; Я. Г а ш е к. Бравый солдат Швейк готовится к войне; М. М е р л е й. История одного убийства (№ 6).

¹⁹ Л. Л а й ц е н. Деньги; Э с-Х а б и б-В а ф а. Уличный певец; А. Х о у п е р. На берегу (№ 1); М. Г о л д. 1. Шайка уличных мальчишек; 2. Любовь на свале; К. Т у х о л ь с к и й. У городского волшебника (№ 2); П. Ю б е р м о н. Уголь (№ 2) и В забое (№ 6); Б. Я с е н с к и й. Галицийская жакерия; Т. К а т о. В праздничную ночь (№ 2); Л. Р е й с с и г. Поход генерала Булеле; К а д з у К а т о. Под натиском воли; Э. М а д а р а с. Борьба Павла Чигаиды; И. Ш н е й д е р. Промазали...; Д ж о К о р р и. Терновый венец (№ 3); А. Ш а р р е р. Без отечества; Е Ш а о-ц з ю н ь. Золотая серьга (№ 4); Л. О'Ф л а э р т и. 1. Добрый боженка; 2. Сто фунтов стерлингов; М. К а х а н а. Курьер; П р е м ч а н д. Наказание за честность; Ш. С а р а л а д е в и. Самадж; Х. Д ж у л и у с. Отдайте нам негр! (№ 5).

²⁰ Приводим выдержки из других ответов на анкету: «В случае нападения на СССР я отдаю себя в распоряжение Коммунистической партии Чехословакии, а следовательно и все силы революционному борющемуся пролетариату» (П. Илемницкий); «Позиция та же, что у революционного пролетариата: энергичная борьба за спасение завоеваний Октябрьской революции» (Т. Реми). «... Я, естественно, стану на сторону Советского Союза, если империализм объявит ему войну» (Дж. Тулли); «... Я вступаю в ряды защитников Рабочей республики» (Г. О'Кюнор); «Буду сражаться с империализмом и защищать Советы» (Ф. В. Калвертон); «... я безоговорочно стану на защиту Советского Союза» (Г. Хикерсон); «Ни минуты не колеблясь, я вступаю в армию, защищающую первую рабоче-крестьянскую республику» (Э. Дж. Баш); «... наступление, военную интервенцию, которая будет угрожать власти рабочих, — мы встретим с оружием в руках, готовые защищать Советскую власть» (О. Биха); «... я призыву всех рабочих и крестьян вступить в империалистические армии и обратить свое оружие на разрушение капиталистических государств» (Ч. И. Гаррисон); «Если художники и писатели откажутся содействовать империалистической пропаганде в кино, в газетах, в плакатах, в литературе, в живописи и т. д. и организуются на защиту Советского Союза, — легко представить себе, какого рода войну придется вести империалистам» (У. Гроппер); «... нужно превратить империалистическую войну в гражданскую» (А. Шаррер); «Если капиталистическая Европа объявит войну Советскому Союзу, я всеми средствами, какими располагаю, поведу войну с капиталистической Европой...» (Л. О'Флаэрти); «Всеми своими слабыми силами я буду сопротивляться этому великому безумию. У каждой страны достаточно слабых сторон, чтобы можно было на нее напасть изнутри» (У. Биннер); «Безо всякого сомнения, я объявлю себя на стороне Советского Союза и всеми доступными мне способами буду помогать ему в его оборонительных действиях» (У. Фрэнк); «... за всякую действительную помощь Советскому Союзу...» (И. Ольбрахт); «... Мы можем и должны помешать уничтожить работу по „духовной мобилизации“ против социализма» (Ф. К. Вайскопф); «Сделаю все возможное, чтобы организовать массы здесь, в Соединенных Штатах, на борьбу с американским империализмом и на защиту рабочих Советского Союза» (С. Нириг).

«Возьму оружие!», «Возьму оружие в руки!» — лаконично ответили на вопрос анкеты художники Б. Уитц и Л. Лендел.

Художница Кете Кольвиц писала: «Империалистическая война, имеющая целью разрушить Советский Союз и уничтожить его великие достижения, с моей точки зрения, достойна осуждения»; художник Л. Лозовик: «Мой ответ: немедленно против империалистов!»

Дж. Хартфилд заявил: «Мое отношение фиксировано заранее — это отношение всякого коммуниста: всеми доступными средствами бороться против империалистической войны, отдать на это тело и душу...».

А. Гидаш, Эс-Хабиб-Вафа и Э. Гинкель написали свои ответы в стихах.

²¹ «Литература мировой революции». Специальный номер, 1931, стр. 17 и 29.

²² Там же, стр. 206.

²³ Там же, стр. 85.

²⁴ «Литература мировой революции», 1931, № 2-3, стр. 153.

²⁵ Вероятно переработанным текстом доклада Л. Авербаха является его статья «Наши политические установки» в № 2-3.

²⁶ А. Г о т о п п. Баркас Г. Ф. 13; Ст. В ы г о д с к и й. Город н., улица н., № 48; М. М а р ч е в с к и й. Арест и освобождение; Дж. К а л а р. 1. Блокнот безработного; 2. На фабрике (№ 1); П. И л е м н и ц к и й. Сквозняк; Л. Т у р е к. Жизнь и смерть моего брата Рудольфа; М. М е р л е й. Воспоминания о жестоких днях (№ 2-3); К л и с а н д з и. Памятник; Э. Ф и т ц ж е р а л ь д. Колесо справедливости; В. В а н д у р с к и й. Провокация (№ 4); Э. М а д а р а с. Я твой отец; Р. К р у д е н. Требуются люди (№ 5-6); Т а й Д з и н н у н. 1. Мы строим; 2. Вчера ночью; П. К о з л а н ю к. Спасительная идея (№ 7); А. В а т. Остров монархов

(№ 8-9); К о б а я с и Т а к и д з и. Пятнадцатое марта 1928 года (№ 10); Л. Б а р т а. Право убежища; Я н Ц и н-ж е н. Слепой № 11-12).

²⁷ Архив АН СССР (Москва). Машинопись, ф. 358, оп. 1, ед. хр. 617, л. 39, со ссылкой на публикацию в «New Masses», 1931, апрель.

²⁸ Произведения Дос Пассоса — рассказ «Уэслий Эверест» и отрывок из романа «Сорванец» (о Джоне Риде) напечатаны во второй и пятой книжках журнала.

²⁹ Д и н А м и т. Запрещенный поугай; У. Ч е м б е р с. Товарищ Мэйн (№ 1); Слышите ли вы их голоса? (№ 2); Смерть коммунистов (№ 3); М. Г о л д. Мальчик, который умер за тамманы; Э. Ф а л ь к о в с к и й. Шахты гудят (№ 3); Ида П о л а. В Па-де-Кале требуются рабочие; Х. С е л я м. Феллах (№ 4); Й. Л а с т. Сапоги Шарфского (№ 6); И. О л ь б р а х т. Письма из тюрьмы (№ 7-8); Ш. А н д е р с о н. Погибший роман (№ 9-10).

³⁰ На самом деле в 1933 г. вышло только шесть номеров русского издания.

³¹ А. Б а р б ю с. Золя; Э. Г л е з е р. Имение в Эльзасе; Т. П л и в ь е. Кайзер ушел, генералы остались (№ 1); Х. М а н с и с и д о р. Мятеж (№ 2); Э. О т т в а л ь т. Ведают бо, что творят; Г. Ф а л л а д а. Что же дальше, малыш?; Л. Р е н н. После войны; Э. М. Р е м а р к. Возвращение; Г. М а н н. Крупная ставка; Ст. Ц в е й г. Мария Антуанетта; Г. В о л ь ф. Трагедия Христиана Бетпа (№ 3); Л. Б р и т т о н. Голод и любовь; Р. О л д и н г т о н. Дочь полковника; И. О л ь б р а х т. Разбойник Никола Шугай (№ 6).

³² Т. Д р а й з е р. Таунсенд; С. Л ь ю и с. Энн Вилкерс; Дж. К о н р о й. Детство в рудничном поселке; Г. Л а м п к и н. Ради хлеба; Дж. Д о с П а с с о с. Вершины счастья; Джозефина Х е р б с т. Удачливый человек; Р. К р у д е н. Конвейер; Ю. О'Н е й л. На пути в Кардиф, — а также очерки Л. Хьюза, А. Смедли и М. Гилмен.

³³ Дж. Д о с П а с с о с. Акционерное общество «Воздух — путь» (№ 1); Б. Ш о у. Чернокожая девушка в поисках бога; Б. Б р е х т, Г. Э й с л е р и Г. В е й з е н б о р н. Мать (инсценировка романа М. Горького); П. В а й я н-К у т ю р ь е. 1. Аннет и маленький буржуа, 2. Как Чен стал красным; Л. А р а г о н. Урал отвечает товарищу Сталину; Агнес С м е д л и. Пять лет; Ш. Г е р г е л ь. Пролетарий играет (№ 2); Э. Г л е з е р. Портной из Тильзита; П. К е р н е р. Как я спал на динамите; Е. Гауптман. Ненавижу быть гостем; Ш. Г е р г е л ь. Ферике играет; И. Р. Б е х е р. Звенящий словом (№ 3); Л. Л а й ц е н. Петер Руйтелс в высоком собрании; С. М. А р к о н а д а. Окровавленная Испания (№ 6).

³⁴ А. З е г е р с. В мастерской писательницы (№ 1); Т. П л и в ь е. 1. Как я работаю и над чем работаю, 2. Из моей биографии (№ 3); Дж. Д ж е р м а н е т т о. Моя биография; С. М. А р к о н а д а. Автобиография; Р. Х. А р д е р и у с. Автобиография; Биографии Р. Альберти, Р. Х. Сендера (№ 4).

³⁵ Отрывки из романов и пьес: П. Н и з а н. Антуан Блуайе; Э. О т т в а л ь т. Подъем и падение города Биллингем; Х. Э. Р и в е р а. Пучина (№ 1); Л. К р у ч о в с к и й. Кордиан и Хам; Перл Б а к. Земля; Ферейра ди К а п т р у. Эмигранты (№ 2); О. Б р а н д а о. Бразильская тюрьма (№ 2); П. Н и з а н. Вот город; Л. Ф е й х т в а н г е р. Семья Оппенгеймов; Т. П л и в ь е. 10 ноября 1918 г.; С. Л ь ю и с. Произведение искусства; А. Ж и д. Эдип; Р. Х. С е н д е р. О. П., А. Р у д н и ц к и й. Солдаты (№ 3-4); Р. Р о л л а н. Очарованная душа; Б. Ш о у. На мели; Г. Ф а л л а д а. Кто раз похлебал баланды (№ 5); У. Р о л л и н с. Тень впереди; Ж. Р. Б л о к. Земляные орехи и бананы; Г. Р е г л е р. Под перекрестным огнем; В. Б р е д е л ь. Испытание (№ 6).

Рассказы: Э. Х е м и н г у э й. 1. Убийцы, 2. Индейский поселок; Э. С я о. На сычуанской дороге; Дж. Д о с П а с с о с. Испания на новом пути (№ 1); А. Ж и д. Молодость; Ш. Н и х а л ь. Два дня в деревне Джедалле (№ 2); Ш. А н д е р с о н. Смерть в лесу; Э. К о л д у э л л. Народный избранник; Дж. М и л б е р н. Отметка за семестр; М а о Д у н ь. Весенний шелк (№ 3-4); Л. Л а р д н е р. 1. Чемпион, 2. День Конрада Грина, 3. Тайна писательской кухни (№ 5); Т. П л и в ь е. Мулашо; А. Ш а р р е р. Два жениха; А. З е г е р с. Последний путь Коломана Валлиш (№ 6).

³⁶ Л. Ф е й х т в а н г е р. 1. Второе рождение господина Ханзике, 2. Броненосец «Орлов» (№ 1); Э. О т т в а л ь т. Карьера (№ 2); Л. П и р а н д е л л о. 1. Муха, 2. Некоторые обязательства; Ж. Г е э н о. Дневник сорокалетнего мужчины (№ 3); С и м а г и К е н с а к у. Слепой; А. М а л ь ц. Человек на дороге (№ 4); Дж. М и л б е р н. Конец музыки; Ш. Б р е б а н. Belrespiro («Услада») (№ 6); Ш. В и л ь д р а к. В гуще войны; Л. М э м е т. Пенсия (№ 7); У. С а р о я н. Бесстрашный юнец на трапезии; Л. М а к-К а у л и и Дж. К и л р е й н. Ночь в Центральи (№ 8); Л. Х ь ю з. 1. Дома, 2. Берри (№ 9); Ш. В и л ь д р а к. Две новеллы: 1. Охота, 2. Юность; Х у Л а н ч и. Конец Ван Бо-пи (№ 10).